

Abmörbach
56

РУБЦОВСКИЙ ЦЕНТР Г. ВОЛОГДЫ

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

56

K14 19948

Вологда
2010

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Ефимкина

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Иванов. Солдату-освободителю	3
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
ИЗБРАННОЕ	
Виктор Хорольский	8
Николай Кузнецов	10
В МИРЕ РУБЦОВА	
Л. Вересов. Рубцов и Северный флот	11
С. Першин. Николай Рубцов — Александр Сизов	14
КОРОТКАЯ ПРОЗА	
Фекла Милова (Е. Соловьева). Парус одинокий	22
КРИТИКА	
В. Бараков	27
Е. Соловьева	28
Н. Рассохин	30
АВТОГРАФ	
В. Бакуменко. Догорают Осенние дни (На стихи Н. Бушенева)	32
В. Бакуменко. Звезд едва лишь погасли свечи (На стихи Н. Бушенева)	33
ГРАФИКА	
Ю. Леднев, М. Копьев. Эскизы на коллег	33
Е. Демидова. Об экслибрисах В. В. Гуры на книгах в фондах Вологодской областной универсальной научной библиотеки	38

На 1-й странице обложки экслибрис художника Е. Н. Тиханович (Минск)

День Победы над фашизмом выделяется из всех праздников значимостью этого события и всегда будет самым ярким праздником в истории России и всего мира. Этот праздник в сердце каждого русского человека. Сейчас, когда раздаются голоса, которые пытаются принизить или совсем свести на нет значимость этого события, хочется напомнить, что 27 миллионов русских погибли, они были, как Христос, распяты на кресте и страдали за свободу и жизнь всего мира. И эта их святость не может подвергаться сомнениям и пересмотрам.

Но есть категория людей, для которых этот праздник особенно дорог — это бывшие несовершеннолетние узники фашистских лагерей, т.к. освобождение Родины совпало с их личным освобождением, в настоящее время на территории Вологодской области их 326, в городе Вологде — 93.

На их долю выпала нелёгкая судьба, т.к. эти люди, страдали без вины в фашистских застенках, а после освобождения тогдашние руководители страны отнеслись к ним недоброжелательно, они подвергались недоверию, на осно-

вании официальных юридических документов, лица, которые находились на оккупированной территории и их родственники, не допускались в некоторые учебные заведения, для них был закрыт доступ к наиболее ответственным должностям и секретным сведениям.

Это время прошло, но и сейчас по традиции о них не упоминают с высоких трибун, мало освещают в печати.

Пользуясь случаем, я благодарю от имени всех бывших несовершеннолетних узников фашизма области участников Великой отечественной войны за жизнь и свободу, мы склоняем свои поседевшие головы перед

величием их подвига, за то, что они не только победили фашизм, но совершили не менее значимый трудовой подвиг, восстановили разрушенную страну, вывели её в передовые державы мира и были примером нашему поколению в бою и труде. Мы помогали им в работе, как позволяли нам растущие силы.

Дорогие участники Великой Отечественной, примите в дар строки следующего, посвященного Вам стихотворения.

*Готов помочь дорогим ветеранам бесплатной юридической консультацией.
Сочту за честь*

СОЛДАТУ-ОСВОБОДИТЕЛЮ

*Открылась дверь фашистского барака
И ярким светом солнечного дня
Увидел я советского солдата
Тогда освободившего меня.*

*Нас жизнь несла по кочкам и ухабам,
Разруха была голодом и мглой,
А тот солдат всегда был рядом
И вёл по жизни за собой.*

*Когда я шёл на дуло автомата
В горячей точке, не страхась огня,
Не струсить помогло лицо солдата,
Тогда освободившего меня.*

*Когда уста молитвы шепчут свято
И вижу лик спасителя Христа
Мне вспоминается лицо солдата
Тогда освободившего меня.*

*Мы победим, я в это верю свято
И в дальнем гуле грозового дня.
К Победам нас ведёт душа солдата
Тогда освободившего меня.*

*Бывший несовершеннолетний узник фашистских лагерей,
подполковник ФСБ в отставке,
советник юстиции I класса,
Член Союза писателей России
Иванов Ю.В.*

Стихи последних лет

Александр ПОШЕХОНОВ

СТРАННАЯ ПТИЦА

Странная птица кричит ввечеру,
Ей откликается странно другая...
Мнится — бессмертие я постигаю.
Значит, уже не умру!

Значит, лишь стоит однажды начать
Думать и жить по законам природы, —
Странная птица нам будет кричать
И продлевать наши годы...

РОССИЯ

Россия. Вопрос без ответа.
Смола на снегу.
Россия. Истории меты
На каждом шагу.

Уходят века и народы
В былинную тьму.
Но что они делают, годы,
Лицу твоему!

Не смажут дожди и морозы
Твой царственный грим.
Не вянут посмертные розы
Страдальцам твоим.

Нет горше и сладостней драмы
Всеобщей любви.
И строятся новые храмы
На новой крови.

Юрий МАКСИМОВ

* * *

Иногда нам стыдно оглянуться,
Зная, что неправы, уступить,
Тут бы с извинением вернуться,
Да гордыню не переломить.

А когда, раскаяньем гонимы,
Возвратим свой долг уже сполна,
Будто пережили злую зиму,
И в душе — желанная весна.

* * *

Осиротела от безлюдности земля,
Бездонный небосвод, он над рекою,
Как отраженье вечного покоя,
Лишь ветер свищет на пустых полях.

Дома позаколочены давно,
Кресты на ставнях, ни дымка
над крышей,
Зато повсюду воронья полно,
Их карканье издалека услышишь.

Похолодало. Скоро быть зиме.
Печь затоплю, припас и скромный
ужин,
Луну мне жаль, она в вечерней тьме
Замёрзла у калитки в луже.

Воспоминаний давних уголок,
На сердце — грусть, здесь всё теперь
иначе,
Ночь пересплю, прощай родной
порог,
И скрип дверной мне отзовётся
плачем...

Евгений БРИГИНЕВИЧ

* * *

Русь — Россия ты видела многое
На своем столь плачевном веку!..
Все молчание памяти строгое...
— Помню все, не боясь, — изреку!

И набегу степных басурманов;
И огонь от монгольской орды;
И от рыцарей-латников — раны...
Много было потерь и беды!..

Флаг поднимем и с песнями — в бой!
Нас опять — сил невидимо — рать!
Все, что нажито, дружбе, с тобой —
То и будем опять защищать!

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГРОМ

Трах-тарарах!..
 Что? Салют Победы?
 Только где же «По»?!
 Остались — Беды.
 Трах-тарарах...
 — В небесах?
 — В телесах!
 Во дворах, и в горах, и в борах!!
 В банках, офисах и борделях!!!
 Страх... крах... прах...
 Трах-тарарах...

1995

* * *

В седине бровей
 Родниковый свет
 Глаз...
 Сколько Вам лет?
 Сколько тревог
 Пережито
 Вами?
 Вы — ветеран.
 Ранила Вас жизнь.
 В памяти свежи
 Раны.
 Только от глаз
 Веет всё
 Улыбчивой ранью...
 Пусть у Вас
 Уже не та
 Хватка.
 Мускулы слабы,
 В сердце перебой,
 Вы в ряду строителей,
 Вы в бою,
 Самый мирный,
 Простой
 И обыкновенный
 Из неподдающихся.

1973

ОДНО СЛОВО

Её обидели... Не плакала она.
 Рука лишь только на сердце легла.
 Взгляд потускнел. Заволокло глаза
 Туманом серым... А ещё вчера
 Ей в счастье верилось... И верилось
 в любовь...
 Смеялась, словно звонкий ручеёк.
 Но словом горьким не в глаза, а в бровь.
 И замолчал весёлый говорок.
 Сказали б ей, что может быть вот так:
 Одно лишь слово. Заболит душа...
 Она бы не поверила никак.
 Сидит, на сердце руку положила.

02.01.2010 г.

ДЕВЧОНКА — ЖЕНЩИНА

Девчонка, коленки разбитые,
 И платишко все в лопухах...
 Женщина, жизнь забитая,
 С тоскою в потухших глазах.

Девчонке смешно, заливается,
 Как будто весной соловей.
 Женщина: «Боль забывается.
 Душа, ты лишь плакать не смей».

Девчонка собою любит
 И кружится в танце дождя...
 Вслед женщина шепчет: «Пусть сбудется,
 Что не сбылось у меня».

Галина КОНСТАНСКАЯ

* * *

Дождинка последняя канула в лужу.
 Последняя капелька. Кончился дождь.
 И я понимаю, что ты мне не нужен,
 И ты понимаешь, что скоро уйдёшь.

И больше не будет уж горьких упрёков.
 Ни горьких упрёков, ни сладких речей.
 И буду опять я грустить одиноко
 Во мраке холодных осенних ночей.

Альфред ХОХРЯКОВ

* * *

Чем дальше — тоньше с детством нить.
Лишь флаги — образы беззвучно реют.
И ничего уже не изменить,
А книги, вещи и друзья стареют.

* * *

Плыву во времени — потоке,
Порой накатят волны грусти,
Что не видны уже Истоки
И с каждым годом ближе Устье.

Ната СУЧКОВА

* * *

Я пишу тебе, Герда, на серой треске,
Как ладошка старушечья высохшей,
Там где фьорды и ветры,
и кончились все
Голубые бумажки по тысяче,
Уколов безмянный

тупым плавником,
Ледяными, как небо, чернилами,
На чужом языке и чужим языком,
Как ангиной обложенным глиною,
Из пурги, из цинги,
обмороженных щек,
Пятизвездных отелей и выше,
Я пишу, точно зная, что буду прощен
Или просто тобою услышан,
Я пишу тебе, Герда, на рыбьем хвосте
Имя новое в строчку втыкая,
Закляная, моля не успеть и успеть,
Ледяной твой, любимый твой. Каин.

Наталья РАМЕНСКАЯ

* * *

Светло на сердце и легко.
День полон благостью весенней.
До пыльных улиц далеко,
Как до галактики соседней.
Реки размеренный поток —
Неторопливый, даже сонный,
И в голых ветках шепоток
Чуть слышный — ветра... и бездонный
Прозрачный чистый небосвод

Синее первой забывки...
Пчелы проснувшейся полет.
Еще непуганые утки —
Две пары суетливых крыл —
Уже спешащие куда-то.
И солнца диск, что вдруг поплыл,
Качнувшись, в сторону заката.
А мы с тобой — к плечу плечо —
Без разговоров сели рядом,
И разве что-нибудь еще
Для счастья человеку надо?
Сидеть, свою лелея лень,
И знать, что прожит не напрасно
Один весенний, теплый день...
На сердце и легко, и ясно.

Андрей АЛЕКСЕЕВ

РУБЦОВУ («ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ»)

Когда за лесом солнце скроется,
Оставив красный поясок,
И гладь речная успокоится,
И от жары вздохнет песок.
И бросит, скомкав пачку «Севера»,
Уставший за день тракторист,
И под окном, на ветке дерева,
Замрет без ветра тихий лист.
И вот тогда, под звон кузнечика,
Слетев, как перышко, с гнезда,
В небесном омуте засветится
Полей вечерняя звезда.
Я сам бывал тому свидетелем,
Когда под тихой золой
Иного времени отметины
Души тревожили покой.
... Едва подует ветер памяти.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Всю ночь вокруг избушки нашей
Дрожала тополя листва,
И с карасем в озерной чаше
Купалась спелая луна.
Сосна пушистой головой
Небес тревожила покой,
Туман в низинах вдоль ручья
Рубахи, подобрав края,
Тихонько крался. Птицы крик
Ночь разрывал, и лишь на миг
Блеснула, падая, звезда
На задремавшие поля.

Виктор ХОРОЛЬСКИЙ

Виктор Петрович Хорольский из г. Кисловодска прожил яркую жизнь. На фронтах Великой Отечественной войны был рядовым, командиром отделения, взвода, роты. Всю жизнь работал учителем, был директором школы. Второе его призвание — литература, Хорольский — автор 6 книг стихов и прозы. Но главное — он патриот, горячо любящий Родину, которую защищал с оружием в руках.

ПАТРИОТЫ

Хоть для меня началом всех начал
была Россия и навек осталась,
признаниями я ей не докучал:
«могучая,

она в них не нуждалась.

Не уверял, не клялся никогда,
что в зной люблю её, мол, и в пургу я.
Ведь хвалят то,

что целятся продать,
а я родной землею

не торгую.

Русь воспевали приторно до рвот,
теперь «певцы» предстали

в свете новом:

для нас святое слово «патриот»
для русофобов стало бранным словом.
Им ненавистно всё,

что любо нам,
им костюм в горле мощная держава.
Патриотизм-де свойствен и котам —
вещал русскоязычный Окулжава.
Там, «за бугром», им грезится уют,
дворцы и виллы на Канарах снятся.
Они давно, страну распродают.
и нет нужды в любви ей объясняться.
Сегодня наша Родина слаба,
она больна (им не нужна иная),
но не тысячелетняя раба,
как врут они,

ее хулой пиная.

Прекрасна наша Родина, мой друг,
гордиться тем, что русич,

не страшишь ты,
за что тебя, России сына,
вдруг
враги зачислят в русские фашисты.

1997 г.

ПАУТИНА

Их защищает президент без устали,
им служит он, не покладая рук,
и олигархи эту власть опутали,
как муху паутиною паук.
Какой ещё вас убедить уликою,
что в Думе тоже мухи-чужаки?
И правят нашей Родиной великою

их лапками магнаты-пауки.
В стране такая мода завелась,
из-за бугра вживили нам проказу,
и все реформы купленная власть
проводит по паучьему приказу.

СМЕХ АВГУРОВ *

Борьба с коррупцией.

Ха-ха!

Авгуров разговоры.
Ужель затеют — чепуха! —
с ворами драку воры?
Нам Запад вынес приговор,
создав режим-уродца,
где олигархи, праявят.

Вор

не станет с ним бороться.
Ну, как народ наш убедить,
власть чуть не матом кроя,
что нам ворьё не победить,
не изменивши строя?
Ведь, прикрываясь той «борьбой»,
дерут с нас по три шкуры.
Ах, как смеются меж собой
кремлёвские авгуры!

* Авгурами в Древнем Риме назывались
жрецы, толковавшие волю богов по полёту
и крику птиц. Обманывая веривших в их
предсказания, авгуры при встрече друг с
другом едва удерживались от смеха.

РУССКИЙ БУНТ

*«Не приведи Бог видеть русский бунт —
бессмысленный и беспощадный».*

А. С. Пушкин

Мчится Русь в обрыв на всех порах.
Что с моею Родиной творится?
Честным — прозябанье в конурах,
жуликам — Канары, пляжи, Рица...
Ветеран!

За это ль, говоришь,
жертвовал собой в лихих боях ты,
чтоб сейчас волк хищный — нувориш
за бугром скупал дворцы и яхты,
а вчерашний труженик-простак,
бывшего Отечества фундамент,
всё, что создал,

отдав за пятак,
в мусорниках рылся бы годами?

Как жирует русофобский сброд!
Не вступлюсь,

пока топчу траву я,
коль ворюгам станет мой народ
выпускать кишки на мостовую.

Апрель 2007 г.

РАСХИТИТЕЛЮ РОССИИ

Как ни убеждаю я тебя —
всё напрасно.

Сколько ни проси я,
ты всё пьёшь по-прежнему,
губя
тело, душу и тебя, Россия.
Да, Россию губишь.

Как нужны
воины ей,

сломленной разрухой!
А ее беспутные сыны
умерщвляют разум свой сивухой.
Ты на жизнь свою махнул рукой.
Оклемайся!

Дело ждёт живое,
ты Отчизне нужен,
а какой

из пропойцы
за Державу воин!
Опускаться в «корабельный трюм» —
значит, истощать в народе силы.
Потому на пьяниці я смотрю
как на расхитителей России.

1.07.85 г., 11.04.99 г.

РОССИЙСКИЕ КАМИКАДЗЕ

Законы новые, указы
нам отменять придет пора.
Творцы их,

словно камикадзе,
взрывать стремятся наш корабль.
Мы взышем с них за наши беды.
Не дать бы только им кулем
без шума выпасть из торпеды
пред столкновеньем с кораблем.
— Заморский рай давно им снится,
но может быть итог таков:
не виллы

ждут их за границей,
а вилы
русских мужиков.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

«Человеку, чтобы разорвать свои цепи,
дозволены все средства».

Мирабо

Я не уполз в свою нору,
стал жестче и суровой.
Меня корят:
мол, к топору

зову, к пролитью крови.
Про беды Родины ору.
Как выжить в веке бурном?
Зову пока не к топору —
лишь к митингам и урнам.
Но на буржуев в лоб попру,
коль власть натянет вожжи,
и веры нет,
что к топору
звать не придётся позже.

«ДОБРЫХ НАДЕЖД ПРОБИВАЕТСЯ СВЕТ...

В Череповце я знаю трёх Николаев Кузнецовых. Различаются они по отчеству и возрасту, а объединяет их то, что все они пишут стихи.

Первый Кузнецов, Николай Алексеевич, — председатель литературного объединения г. Череповца, признанный мэтр в области поэзии, автор многих поэтических книг. Второй, Николай Витальевич, хорошо известен как издатель многочисленных сборников стихов и прозы местных (череповецких) авторов; он выпустил также несколько своих стихотворных сборников.

Хочу представить читателям «Автографа» и третьего Кузнецова — Николая Анатольевича. Ему 23 года, и, верится, у него еще всё впереди. Кроме стихотворчества, его влечёт живопись (недавно в нашем городе была организована небольшая выставка его картин). Младший из Кузнецовых ограничен в возможности двигаться (колясочник). И тем не менее он полон жажды жизни, интереса к жизни во всех её проявлениях, не теряет присутствия духа. Это видно и по его стихам.

Хочется пожелать Николаю Кузнецову младшему успехов на тернистом, но увлекательном пути к настоящей поэзии.

Н. Т. Бушенев,

доцент кафедры теории и истории культуры ЧГУ

Николай КУЗНЕЦОВ

* * *

Жизнь наша вряд ли весёлая штука, —
Цепь неурядиц, недугов и бед.
Но присмотрись: сквозь унынье
и скуку
Добрых надежд пробивается свет!

ОТРАЖАТЬСЯ В ЧУЖОМ ЗЕРКАЛЕ

Отражаться в чужом зер-ка-ле
Но в нём от себя ни следа,
Писать письма на тёплой золе
На конверте царапать «в никуда».
Пытаться песню сочинить
А нот и аккордов не знать,

Стремиться праведней жить
Не зная с чего начать.

Разбираться кто прав кто не прав
Искать смысл жизни своей
А потом найти лучик света в глазах
Самых близких тебе людей
Пытаться беззаветно любить
Хоть знать: любви на свете нет
И всё ж стремиться праведней жить
И лететь туда где свет.

Учиться быть мудрей и добрей
С помощью умных книг,
Вспомнить дорогих сердцу людей
И стать счастливым на миг.
Пытаться как можно лучше быть
Делом не обижать никого
И свой нелёгкий путь проторить.

Найти б себя самого!

РУБЦОВ И СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ

К вопросу о первой (газетной) публикации Николая Рубцова на Севере.

Надо сказать, что вопрос о первой публикации поэта далеко не закрыт. У автора статьи есть некоторые данные, позволяющие предположить, что первое стихотворение могло быть опубликовано Рубцовым в газете Тралового флота в 1952 г. или в газете «Кировец» Кировского рудника комбината «Апатит» в городе Кировске Мурманской области.

Не вызывает сомнения, что стихи студента Рубцова публиковались в техникумовских стенных газетах в Тотьме и Кировске. Одно такое стихотворение приводит В.Д. Зинченко в трёхтомном собрании сочинений Н.М. Рубцова, вышедшем под её редакцией.

О втором стихотворении кировского периода Николая Рубцова вспоминают однокурсники. Начиналось оно так: «Две подружки, две болтушки...»

Но стенгазета не сохранилась, и дальнейшее содержание забылось.

Давайте попробуем разобраться с этим вопросом по материалам, доступным на сегодняшний день. Итак, первая известная публикация стихотворения флотского поэта Рубцова состоялась 1 мая 1957 г. в газете «На страже Заполярья» Северного флота. Стихотворение называлось «Май пришёл» и являлось вариантом известного стихотворения «Весна на море».

А теперь, к сожалению, о неточностях по незнанию и инерции. В.Д. Зинченко в наиболее полном на сегодняшний день собрании сочинений Рубцова (издательство «Терра», М., 2000 г.) в примечаниях Т1, стр. 312 пишет об этом стихотворении как об опубликованном 5 мая 1957 г.

По-видимому, неточность этого авторитетного издания тиражируют в своих книгах и некоторые другие исследователи биографии и творчества Рубцова.

В. Сорокажердиев «Здесь ясен горизонт», Мурманск, 2007, С. 232. Ю. Кириенко-Малюгин «Николай Рубцов. И пусть стихов серебряные струны», М., 2002, С. 59.

А. Быков «И золотое имя Таня», Вологда, 2009, С. 89.

Н. Ефремов сборник «На вершине земли Кольской. Рубцовские чтения в Мурманской области», Апатиты, 2006.

В. Е. Кузнецова в уже упоминаемой статье о литературном объединении «Полярное сияние» правильно утверждает, что публикации Рубцова в номере газеты «На страже Заполярья» от 5 мая 1957 г. нет. Но в свою очередь делает неправильные выводы о первой публикации Рубцова 5 января 1958 г. (Стихотворение «Матери»). (Надо заметить, что выводы статьи Кузнецовой опровергнуты её же дальнейшей архивной работой, и дата первой публикации Рубцова — 1 мая 1957 г. — документально ею доказана.)

Автор статьи в правильной дате первой рубцовской публикации не сомневался никогда. И вот почему. В.Д. Зинченко в примечаниях к 3-му тому упомянутого собрания сочинений Рубцова стихотворение «Май пришёл» уже датирует верно — 1 мая 1957 г. (Это как-то не замечалось исследователями.)

Скрепля сердце, должен сослаться и на книгу Людмилы Д. «Всё вешало нам грозную драму», Вельск, 2001, С. 158, где она пишет о первой публикации Рубцова именно 1 мая. Упоминает также о первом его незабываемом гонопаре, якобы по рассказу самого поэта.

Отталкиваясь от названия и содержания стихотворения, можно также сделать кое-какие выводы. «Май пришёл» — так говорили не только о месяце, так говорили и об официальном государственном празднике в советское

время — 1 мая, День международной солидарности трудящихся. Хотя в последней строфе Рубцов употребляет клише советского праздника («Праздник счастья и труда»), возможно, стихотворение задумывалось поэтом как лирическое, посвященное реальному приходу весны в Заполярье.

И ещё важно то, что стихи, пусть посвященные формально Первомаю, могли бы быть опубликованы после праздника — 5 мая. За такими случаями зорко следили идеологические отделы партийных органов.

И вот ещё на что следует обратить внимание: литературное объединение Северного флота организационно оформилось лишь 5-9 июля 1957 г., а это говорит о том, что стихи Рубцов опубликовал до вступления в лито. И, может быть, эти неплохие стихи, наряду с другими стихами флотских поэтов и послужили поводом и причиной образования литературного объединения и начала его плодотворной работы.

Неизвестные архивные и иные материалы темы Рубцов и Северный флот.

Поэт Николай Рубцов продолжает преподносить загадки и сюрпризы исследователям его биографии и творчества. Наверное, каждый штришок важен в собирании мозаики его жизни и поэзии. Огромную работу провёл Н. Т. Ефремов — руководитель Рубцовских чтений в г. Апатиты Мурманской области по систематизации всего написанного Рубцовым за Полярным кругом.

Морской цикл поэта был объединён им в отдельную книгу стихов. Ксерокопии публикаций поэта в заполярных газетах прислала автору статьи В. Е. Кузнецова. Что очень важно для раскрытия темы.

Например, в ГАВО (фонд 51, опись 1, д. 348) газетная вырезка стихов «Деревенские ночи». Автором, Николаем Рубцовым ручкой изменены некоторые слова и поставлена дата: 1957 г.

У В. Д. Зинченко Т. 1 С. 307 (примечания) указана газета «Комсомолец Заполярья» от 16 мая 1958 г. Это стихотворение Рубцовым публиковалось

и позднее, скажем, в г. Всеволожске. Но по характерному оформлению названия стало понятно, что архивная газетная вырезка и присланная В. Кузнецовой ксерокопия — это одно и то же, т. е. публикация в «Комсомольце Заполярья». Остаётся ещё раз уточнить дату.

Это маленький пример сотрудничества людей в Рубцовском пространстве. Автор статьи считает, что необходимо опубликовать все стихи флотского поэта Рубцова, в том числе и о коммунизме, Ленине, написанные в Мурманске и Североморске. Они не вошли в книгу Н. Т. Ефремова. Это, конечно, не лучшие стихи поэта, но без них, скорее всего, не смогли бы состояться публикации других стихов поэта.

К чести Рубцова он никогда в свои сборники подобные «шедевры» не ставил. Но ради исторической и литературоведческой правды с комментариями печатать их необходимо.

В ГАВО нашлось и одно неизвестное стихотворение такого толка Н. М. Рубцова. Оно как-то потерялось и не было опубликовано в самых полных изданиях стихов В. Д. Зинченко и М. В. Сурова.

ГАВО, фонд 51, оп. 1, д. 348 (архивный документ):

Слава партии

*Коммунизм возводит на Земле нам!
С ходом жизни, с временем в лад
Вновь направил партийный Пленум
Наши помыслы и дела.*

*Что с трибуны сказано было, —
Стало силой сердец и волю,
Стало мощной движущей силой
В буднях Родины трудовой!*

*Пусть над нами шумят знамёна,
Пусть работой гудит каждый час.
Слава партии, неуклонно
К коммунизму ведущей нас.*

Старший матрос Н. Рубцов

А это значит, что стихи относятся приблизительно к началу 1959 г.

Для понимания того, как сам Рубцов и матросы эскадренного миноносца «Острый» относились к подобному вынужденному творчеству, процитирую письмо Г. П. Фокина автору статьи от января 2010 г.: «В нашем кубрике, на юте нашего эсминца, где и жили кочегары и машинисты из БЧ-5, Коля бывал часто, брал гитару или гармошку и, сидя на рундуке, начинал петь. Это были песни, нам незнакомые, только потом я понял, что пел он Есенина, и свои стихи, и ещё какие-то. Но вот частушки, все сразу запоминали, я их помню до сих пор:

*Июньский пленум, июньский пленум,
Ты наш оплот,
Хорошим сеном,
Мы кормим флот!*

Это был своеобразный отклик на состоявшийся Пленум ЦК КПСС, обсуждавший вопросы снабжения армии и флота продуктами сельского хозяйства. Петь такое было чревато последствиями, но, вроде, обошлось, стучащей в кубрике не нашлось».

О дружбе североморцев-моряков, членов лито «Полярное сияние» говорят никогда не публиковавшиеся архивные документы из ГАВО. Думаю, для читателей, особенно северян, они будут интересны и важны. Давайте только не забывать, что флотские поэты никак не рассчитывали увидеть их опубликованными.

Ф. 51, оп. 1, д. 447.

Альманах «Полярное сияние» 1, С. 28 автограф В. И. Сафонова: «Коле, другу и поэту на память о дружбе флотской. Валька. 22 III. 59 г.».

Ф. 51, оп. 1, д. 448.

«Полярное сияние» 2. Стихи Аркадия Мееровича «Есть» и по стихам надпись: «Кольке Рубцову, моряку и поэту в знак уважения сердечного. Это Арк. Меерович. 18. X. 59 г. Североморск».

(Кстати, Аркадий Меерович получил поощрительную премию в конкурсе поэтов в честь 25-летия Северного флота.)

Ф. 51, оп. 1, д. 448.

«Полярное сияние» 2, С. 22.

«Нам с тобою жалко
Расставаться.

Жалко, чёрт поberi!

Сегодня последний наш

Общий вечер.

Последний, когда ты во флотской
форме.

Сегодня мы расстаёмся

Но мы встретимся

Ещё раз

Обязательно

Встретимся, потому что оба

Верим в это, хотим этого!

Вот и всё

Жму лапу

Крепко, крепко

Родной мой Колька

В. Сафонов

18. X. 59 г.»

Итак, во время службы на Северном флоте матрос Рубцов печатался в следующих изданиях: «На страже Заполярья» (Североморск), «Рыбный Мурман», «Комсомолец Заполярья», «Советский флот» (Мурманск), журнал «Советский моряк» (?), альманах «Полярное сияние» 2, 1959 г., коллективный сборник «На страже Родины любимой» (Политуправление Северного флота, 1958 г.)

Это было время становления Николая Рубцова как поэта, помимо этого он возмужал и физически, получил друзей на всю оставшуюся жизнь и очень продвинулся в поэтическом мастерстве.

Северный флот явился своеобразной школой для будущего национального поэта России. Николай Рубцов за время службы написал немало прекрасных стихов, может быть, мало оценённых, в силу их морской тематики и специфики.

Лишь позже, уйдя в своём творчестве от частных, он смог признаться в своей пронзительной любви к России и стать её гениальным певцом.

Л. Н. Вересов,

*Вологодский союз писателей-краеведов,
Череповецкое литературное объединение*

НИКОЛАЙ РУБЦОВ — АЛЕКСАНДР СИЗОВ. «ВЕТЛУЖСКИЕ» ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Я с детства сказок не любил
За их фальшивую правдивость.*

2008

Борис Тайгин

В 2009 году Время уготовило земле Поветлужья четыре неординарных события литературной жизни: 60-летие поэта, писателя и журналиста, ветлужая Александра Сизова; 40-летие посещения Варнавинской земли знаменитым лириком России Николаем Рубцовым; 40-летие написания Н.Рубцовым ветлужской поэмы «Разбойник Ляля»; 25-летие первой публикации воспоминаний А. Сизова «Рубцов на Ветлуге».

Год 1969-й. Уже известный поэт Николай Рубцов, наконец-то одолевший курс Литературного института, внял неоднократно приглашениям студента Александра Сизова, приехал на его малую Родину, на Ветлугу, в деревню Ляпуново.

Гостевание Николая у младшего студенческого друга длилось не более 7-8 дней, однако, за это время они по приглашению хорошего знакомого Александра, ветерана и инвалида Великой Отечественной войны, варнавинца Сергея Петровича Вылегжанина, совершили паломничество в лесное Заветлужье, где в починке Ляленка тот имел собственный дом. Пребывание в гостях было кратковременным: об этом косвенно свидетельствует в воспоминаниях брат Юрия Александровича Кирбитова-Леонид-шофёр лесовоза: «Я их догнал около «Лавочек». Узнал издалека. Они же только что у меня ночевали.» [Шли из Ляленки к Ветлуге. — С.П.].

Рубцов уехал с Ветлуги с восторженными впечатлениями об увиденном-услышанном, окрылённый творческими замыслами. Об этом красноречиво свидетельствуют воспоминания лиц, соприкасавшихся с ним в период июль 1969-январь 1971 гг.: В.А.Оботуров

приехав, с азартом рассказывал мне о поездке, о глухих лесах Приветлужья...»; С.П.Багров — «... приехал из Варнавина. Есть такой городок на Ветлуге... <...>. Я вернулся оттуда богатым. Отыскал разбойничий клад.»

Сокурсница Саши Сизова по Литинституту, Лада Одинцова, доктор гуманитарных и доктор общественных наук, духовно близкая к безупречному старшему товарищу Рубцову, так оценивает его поездку на Ветлугу, её значение для творчества и роль Александра: «...кончил свои поиски новизны Рубцов в Нижнем Новгороде у Александра Сизова. Тут он счастливо обрёл сюжет поэмы о разбойнике Ляле. Вот что основное, зачем Рубцов посещал окрестности города Горького. И послужила Рубцовой сверхзадаче этого визита по-детски чистая любовь к своему кумиру замечательного местного литератора Александра Сизова. Не будь этой детской любви, не появилось бы и Рубцовой поэмы...» (2008—2009 гг.).

В августе-сентябре, пребывая в гостях у Василия Белова в деревне Тимонихе, поэт написал первичный вариант лесной сказки «Разбойник Ляля», к сожалению, до сих пор не известный, так как он продолжал трудиться над ветлужским произведением весь 1970-й год. Н.М.Рубцову, несмотря на старания, не пришлось увидеть поэму-сказку напечатанной... Дал ей путёвку «в свет» его друг, литератор-вологжанин Виктор Коротаев. Он после трагической гибели Николая в составе комиссии вологодских писателей изымал его архив из квартиры. Вполне возможно, среди рукописей был какой-то вариант «Разбойника Ляли», и он предоставил его редакции журнала «Сельская молодёжь», опубликовавшей её в сентябрьском номере (9) за 1971 год. Можно предположить, что этот текст — ПОСЛЕДНИЙ АВТОРСКИЙ.

В 2002 году я предпринял идентификацию магнитофонной записи авторского чтения лесной сказки с

текстом, опубликованным в журнале. В результате многочисленных прослушиваний и сверок с печатным текстом мной установлено: первая публикация «Разбойника Ляли» почти полностью соответствует тексту в авторском чтении. Лишь в 4-й строфе 6-й главы Н.М.Рубцов, подготавливая рукопись к публикации, исправил в последней строке «с котомкою» на «с молитвами», так как 1-я строка 5-й строфы звучала: «собрала котомку через силу...» Поэт, столь требовательный к себе, не мог допустить в двух последовательных строках повтор слова «котомка». Представляется вероятным, что автор или прослушивая магнитофонную запись, уловил «изъясн», или редактируя авторскую рукопись, внёс исправление в неё, и имеется основание считать опубликованный текст в журнале ПОСЛЕДНИМ АВТОРСКИМ. (Справка. Копия магнитофонной записи чтения Н.Рубцовым «Разбойника Ляли» выполнена с плёнки в кассете, обнаруженной вдовой Валентина Горшкова, и записанной радиожурналистом по Вологодской области Э.А.Федосеевым в конце 1969 г. или в 1970 году. Копию с оригинала снял и прислал мне незабвенный, ныне ушедший в мир иной Алексей Васильевич Антуфьев).

Александр Сизов в 1970 году (10,12,17 дек.) в варнавинской газете «Новый путь» опубликовал своё «ветлужское» произведение-рассказ «В тёмно-синем лесу» с подзаголовком «По мотивам народной легенды». (Позднее он менял название: «Шалуха», «Шалухина любовь»).

4 декабря 1971 года с подачи Сизова районная газета «Новый путь» напечатала лесную сказку «Разбойник Ляля» (вторично в России) с его предисловием, где он впервые сообщил о пребывании Н.Рубцова на Ветлуге и, вроде бы, об истоке сюжетов их «ветлужских» произведений: «Мы несколько дней провели вместе в заброшенной деревушке Ляленка. Невдалеке синела Лялина Гора, у подножья которой билась в беспокойных струях Ветлуга. Тогда мы и услышали прекрасную на-

родную легенду о разбойнике Ляле, его атамане Бархотке и лесной девке Шалухе». Забегая вперёд, поясню — вышеприведённая фраза в течение 25 лет в 15-ти публикациях претерпела незначительные изменения, сохраняя свою суть неизменной.

После публикации рубцовского и сизовского «ветлужских» произведений в русской литературе возникла любопытная ситуация: два современника, абсолютно разных литератора, создают почти одновременно поэтическое и прозаическое произведения со схожими сюжетами и одними и теми же литературными героями: разбойник Ляля, Бархотка, Шалуха и княжна Лапшангская. У любопытного читателя невольно возникают вопросы: «Почему? Что послужило первоосновой сюжетов? Ответы на них слегка приоткрыл А.Сизов в воспоминаниях «Рубцов на Ветлуге».

Александр, общавшийся периодически с Николаем около трёх лет, боготворивший своего кумира и имея чуткую поэтическую душу, не мог не оставить воспоминаний о друге, поэте, человеке —

*Быть может, потому, что он при жизни
О мёртвых помнил, как никто другой?*

Эти строки из стихотворения Анатолия Константиновича Передреева «Кладбище под Вологодой», посвященное Н.Рубцову, можно отнести и к Саше Сизову...

Робкий намёк о начале его работы над «вспоминаниями» о друге прослеживается в декабре 1971 года. (Предисловие к публикации «Разбойника Ляли»). И всё же, требовалось время для осмысливания, для «душевной» утряски виденного-слышанного-случившегося, наконец, обыкновенного, человеческого, простого по своей сути ответа на самому себе заданный вопрос: «Кто такой Рубцов?», чтобы иметь внутреннее моральное право донести собственное видение феномена Рубцова до массового читателя, неравнодушного, как и он сам, к безвременно «...ушедшему в нездешние

края» (Вал.Телегина) **БОЛЬШОМУ РУССКОМУ ПОЭТУ**. И ещё. Будучи совестливым, порядочным, добрейшим, отзывчивым человеком он испытывал душевную тревогу: «Вот пишу — казалось, казалось... А не кажется ли мне теперь, спустя годы, **НЕ ПРИСОЧИНЯЮ** ли я что-то [Выделено СП.], не приукрашиваю ли литературно?...», — делится с читателями сомнениями, его душу терзавшими...

В течение 1976—1981 гг. А.Сизов упоминал о посещении Н.Рубцовым починка Ляленка: в 2-х статьях-рецензиях на рубцовский сборник стихов «Подорожники» и в текстах двух публикаций своей «Шалухи».

И, наконец, спустя 15 лет, впервые предал гласности, вынеся на суд читателей, свои страницы воспоминаний «Рубцов на Ветлуге» («Новый путь», 1984. 23, 25 февр., 1, 3 марта) — первый вариант, в основном, о гостевании поэта на Варнавинской земле. Необходимо отметить: в них упоминаются некоторые факты, не вошедшие в последующие публикации.

Воспоминания о Рубцове написаны в смешанном жанре — рассказ от лица автора в сочетании с фрагментами очерка (представлены реальные персонажи). Повествование от первого лица, от лица очевидца событий позволяет максимально полно выразить отношение автора к происходившему.

Наибольший интерес для раскрытия первоисточника сюжетов ветлужских произведений Рубцова-Сизова представляет старушка (забытая богом старушка, неприметная старушка, безмянная старушка), будто бы поведавшая прищельцам... красивую лесную сказку о разбойнике Ляле, его кладах, атамане Бархотке, лесной девке «Шалухе и юной княжне».

В воспоминаниях ощущается явно литературное описание начального периода пребывания в реальной Ляленке и встречи с реальной старушкой, однако, оставшейся у Сизова безмянной.

И всё это можно было бы назвать «благородным» вымыслом автора, который, «прекрасных вымыслов плетя

искусно нить» (Никола Буало-Депрео), интригует читателя, поддерживая его интерес. Однако, напрашивается и вывод, что сочинитель опирался на весьма ограниченный круг **ИЗВЕСТНЫХ** ему источников, а остальное — плод его художественного творчества. Но ... это было бы слишком простое решение, не позволявшее приблизиться к разгадке: «Какую же «красивую лесную сказку услышали любознательные литераторы?» Поэтическое переложение её Н.Рубцовым и прозаическое — А.Сизовым не дают, да и не могут дать ответа по слишком простой причине — это **ЛИТЕРАТУРНЫЕ** произведения и авторы вольны на творческий вымысел...

Впервые мне пришлось усомниться в существовании устного народного предания в феврале 1998 года при разработке и оформлении экспозиции «Александр Сизов — поэт, писатель, журналист» в готовившемся к открытию «Муниципальном Литературном музее поэта Н.Рубцова» на Черноречье. В беседе с самым близким ему человеком Зоей Михайловной Аватовой о подробностях пребывания поэта в 1969 году на Ветлуге неожиданно услышал слова, насторожившие меня: «У Саши был **ТЕКСТ ПРЕДАНИЯ** о разбойнике Ляле, и он предполагал издать книгу своих воспоминаний о Рубцове и включить этот текст **КАК ПЕРВОИСТОЧНИК** сюжета [Выделено СП.], интерпретированного Рубцовым в поэму-сказку, а им самим — в «Шалуху». Однако, по её словам, типографский текст пропал, и в архиве Саши она его не обнаружила...

Обратился к фольклорным изданиям Нижегородчины. В сборниках «Нижегородские предания и легенды» (Горький, 1971) и «Кума-чародейка: сказки, предания, легенды» (Н.Новгород, 1993) обнаружил народное сказание «Лялины горы» (с. 195—196; с. 347—348 соответственно). Сказание записано в 1966 году в Ветлужском районе, примерно в ста километрах от Варнавина. В нём говорится об атамане Ляле, но... «он храбр, красив», а по словам «неведомой

старушки», — страшный, одноглазый. К тому же в предании нет никакого упоминания ни о «... красавце-богатыре Бархотке, ни о лесной красивой девке Шалухе, ни о княгине — жене князя Лапшантского».

В 1998 году издан сборник «Легенды и предания Волги-реки» (Н. Новгород. Сост. В. Н. Морохин). Довелось мне с ним познакомиться в 2001 году. В нём, кроме вышеназванного предания «Лялины горы», напечатана легенда «Ляля». Записана в 1971 году в пос. Нижник Варнавинского р-на, т.е. в варнавинской Заветлужье, где за два года до записи Рубцов и Сизов ночевали в доме Л. А. Кирбитова. Рядом расположена Лялина Гора, а в нескольких километрах — лесной починок Ляленка. Записана легенда от жителя Нижника И. Ф. Шалобанова (Позднее Ю. А. Кирбитов уточнил фамилию — Шалабаев).

Создавалось впечатление — найден текст «красивой лесной сказки». Но ... Это была неокончательная находка.

В 2002 году, занимаясь выявлением и систематизацией публикаций А. Сизова в периодической печати Нижегородчины, я обратил внимание на рассказ варнавинского литератора Ивана Степановича Воронова «Ляленка», опубликованный в районной газете «Новый путь» (1967. 20, 23 мая). Редакционное предисловие уведомляло — это отрывки из новой повести о происхождении горы Ляленка и деревни Бархатиха.

В рассказе прозаическое описание ночлега артели лесорубов в избушке близ реальной речки Наврас (правобережье Ветлуги) переплетается с текстом «бывальщины» о разбойнике Ляле, его помощнике Бархотке, лесной Шалухе и княгине Лапшантской. Рассказ — типичное литературное произведение с неприязнительным сюжетом, с введением обычной для такой формы «загадочности», обостряющей внимание читателя. Автор не назвал своё повествование в рассказе народным преданием, а всего лишь бывальщиной. «Бывальщина» (также быть) в русском народном творчестве — ко-

роткий устный рассказ о каком-либо случае, будто бы имевшем место в действительности, о невероятных происшествиях, о найденных кладах, о встречах с «нечистой силой». (БСЭ, изд. 3-е, т. 4. — с. 178).

Ознакомившись с рассказом, был несказанно удивлён текстом «бывальщины» (публикация-то первая!) — где-то я уже читал подобное?!.. Поиск привёл к знакомому сборнику «Легены и предания Волги-реки», где в легенде «Ляля» (тоже впервые!) обнародована в чистом виде «бывальщина» из рассказа И. С. Воронова «Ляленка», при этом прозаическое описание ночлега лесорубов было исключено.

Передо мной лежали два идентичных произведения: — рассказ «Ляленка» (1967 г.) и, записанный со слов, но полностью повторяющий текст «бывальщины» из рассказа (вплоть до знаков препинания и ошибок!), и преподнесённый читателю как народная ЛЕГЕНДА! (1971). Налицо беззастенчивый плагиат. Кто же его выполнил???

Мне представляется такой ход событий. Летом 1971 года, как уже много лет подряд, профессор Горьковского университета, фольклорист, поклонник и исследователь народного творчества, учёный и краевед Владимир Николаевич Морохин (1921–1996) организовал студенческую фольклорную экспедицию. Вероятно, студентке Большаяковой Т. И. поручил обследовать населённые пункты в районе Лялиной Горы. В небольшом посёлке Нижник она вышла на местного жителя Шалабаева Н. Ф. Жителям «медвежьих» углов России всегда льстит оказать услугу «заморским гостям», соизволившим посетить их малые Родины. Так и тогда. Студентка из самого Горького! Обратилась с просьбой, не знает ли Иван Фёдорович какое-либо предание или легенду? Ничего он не знал. Но так хотелось потратить гостя! И он вспомнил, что у него сохранился номер районной газеты с напечатанным рассказом «Ляленка», где говорится о дорогах его

душе местах: Лялиной Горе, близкой и знакомой лесной деревне Бархатихе, известной речке Ляленке, да и о разбойнике Ляле, возможно, приходилось слышать. И он, по своей доброте и желанию сделать приятное молоденькой студентке, отдал ей хранившуюся два года газету. Естественно, он не мог помешлять, что через двадцать семь лет плагиат будет прикрыт его фамилией, хотя и искажённой. Воистину — «простога — хуже воровства».

А студентка? Окрылённая «находкой» счастливо отбыла в Горький, где «творчески поработала»: изъела бытовизмы из рассказа, оставила в неприкосновенности текст «бывальщины», кое-где «отредактировала» (правда, некоторые ошибки не исправила), внеся около двадцати исправлений-дополнений пустякового характера. Например: в спальне княгини жарко и «одеяло свалилось с кровати...» Она же решила, что одного одеяла мало и написала: «Одеяла свалились на пол...» Но самый большой ляпсус она сделала в конце плагиата. В рассказе: «Говорят, много КЛАДОВ зарыл на горе и дне Ветлуги». Она же решила по-своему: «Говорят, много НАРОДА осталось зарытым на горе и дне Ветлуги.» Вот так-то, оказывается, когда врешь, то и народ можно похоронить на дне реки... Возможно, за свою находку «легенды» она получила от профессора В. Н. Морохова «пять с плюсом». Естественно, его вины в плагиате нет абсолютно никакой, поэтому-то он, ничего не подозревая, включил её «труд» в сборник.

В 2002 году вроде бы «красивая лесная сказка» была найдена. Сомнений почти не осталось — «сказкой» могла быть «бывальщина» из рассказа И.С.Воронова «Ляленка». Работая над повестью (рассказ лишь фрагмент), он вряд ли знал текст предания «Лялины горы», записанного в 1966 году, а опубликованного лишь в 1971-м. Поэтому у него Ляля «страшный, с одним глазом», в то время как в предании — «храбр, красив».

При публикации рассказа «Ляленка» Саша Сизов работал в газете

и, без сомнения, он ознакомился с ним, сохранил подлинник газеты и именно об этом «типографском» тексте народного предания упомянула в разговоре 1998 года З.М.Автаева. Хотелось воскликнуть — «Эврика!» Однако, следуя поговорке — «Семь раз отмерь, один раз отрежь», — 7 лет продолжал заниматься поисками, которые далее рассказа «Ляленка» не продвинулись...

В 2000 году «безимьянная» старушка обрела имя. Чернорецкий краевед Соловьёв Н.А. опубликовал статью «Лесная сказка» о путешествии с Ю.А.Кирбитовым и А.С.Колесовым по дороге Рубцова-Сизова в починок Ляленка («Дзержинец», 2000, 2 авг.), где сообщил: «Однако, не сосны поведали поэту о «Разбойнике Ляле», а коренная жительница деревни Ляленка М.В.Кирбитова, тётка Ю.А.Кирбитова...» Вторично он написал в 2002 году. («Дзержинец», 2 марта): «Дело в том, что эту сказку поэт услышал на Ветлуге от местной жительницы М.В.Кирбитовой...» Ему вторил нижегородский поэт А.С.Колесов: «Ту старушку вычислил Ю.А.Кирбитов. Это была его родня по отцу М.В.Кирбитова». (Н.Новгород. Рабочая газета. 2000. 5 окт. В ст. «Тени прошлого»). В статье он не написал, что она была сказительница.

От самого Ю.А.Кирбитова я не слышал утверждения, что его тётка М.В.Кирбитова поведала Рубцову и Сизову лесную сказку. В январе 2002 года он, участвуя в 1-й «Рубцовой субботе», поделился своим исследованием и лишь сообщил — «Неведомая и одинокая старушка» — его родная тётка, и жила она в то время со своим мужем, его дядей — Н.Ф.Кирбитовым. В их доме друзья некоторое время жили, пока не была готова к жилью изба ветерана Великой Отечественной войны Сергея Петровича Вылегжанина.» (Ю.А.Кирбитов установил, что фамилия Сергея Петровича не «Вылегжанин», как написал А.Сизов, а «Вылегжанин»), однако, она могла что-то рассказать своим гостям. В пе-

риод 2001–2006 гг. теплилась надежда, что кто-нибудь из нижегородских поклонников творчества Н. Рубцова — А. Сизова опубликует какие-нибудь дополнительные сведения об истоках их «ветлужских» произведений. Наконец, в 2006 году музей Н. Рубцова выпустил сборник статей с интригующим названием: «Поэма Николая Рубцова «Разбойник Ляля»: исследовательские материалы, комментарии, иллюстрации» (Держинск. 2006. Тираж 50 экз. Сост. Потапова А. В.). Однако, издание, имея претензию на «исследования и комментарии», никакого вразумительного ответа по существу вопроса, рассматриваемого в настоящей статье, не содержало. Собственно, издатели и не ставили такой цели, но в книге напечатаны рассказы И. С. Воронова «Ляленка» (к сожалению, составитель не воспроизвела редакционное предисловие, поясняющее происхождение рассказа) и легенду «Ляля» — плагиат «бывальщины» из предыдущего рассказа. Так называемые «исследователи» не удосужились внимательно изучить оба публикуемых произведения и не смогли обнаружить — что первично, а что — вторично. Впрочем, по моему разумению, они и не ставили перед собой ни исследовательской задачи, ни комментарии публикуемых материалов. Главное — книжку издать да пошуметь, а до какой-либо истины нужно докапываться... Подтверждение — факт определения сына профессора В. Н. Морохина — Н. В. Морохина в АВТОРЫ легенды «Ляля»! Фактический автор «записи-плагиата» Большакова (Предания и легенды Волги-реки, с. 513, п. 173).

В 2006 году совместно с отделом краеведения ЦГБ им. Крупской, уничтоженного в 2008 г., подготовил к печати и издал тиражом в 50 экз. сборник: «Нам о том рассказывали сосны», посвященный 35-летию первой публикации рубцовского «Разбойника Ляли». В опубликованной статье «Ветлужская поэма Николая Рубцова: Истоки. Создание. Издание. Судьба» я придерживался официальной версии

происхождения сюжета, но на с. 20–21 всё же выполнил критический обзор легенды «Ляля» — результата беспардонного плагиата.

После выхода «в свет» воспоминаний А. Сизова «Рубцов на Ветлуге» читатели да и все мы, кто в той или иной степени интересовался его творчеством, уверовали в «сказительницу», поведавшую Рубцову и Сизову какое-то народное предание. Хотя весь литературный эпизод не выглядел реальным. К примеру, «одинокая и безмянная старушка» жила с мужем, а с 2000 года обрела реальную фамилию — Кирбитова; «высился над древней угрюмый, поросший лесом бугор» — его не существует (это видно на фотографиях Ю. А. Кирбитова) и уж, тем более, это не Лялина гора, на которую «показывала тёмным перстом старушка». (Как могла реальная жительница Ляленки, указывая на какой-то «бугор», именовать его горой? Лялина гора находится внизу и возвышается над уровнем реки на 20–30 метров). А фамилии? То устами старушки — «Шалуха», то «Шалухина», да и кругом живут «Шалухины». Начиная с 1986 года сам автор говорит Рубцову: «А самая распространённая фамилия Шалухины» (старушка уже ничего не говорит). А клады? С самого начала публикаций старушка говорила, что клады «... по сию пору в земельке лежат...», а в публикациях 1994–1996 гг. — «...по сею пору в землянке лежат...» Но это литературный эпизод, и автор имеет полное право на любой вымысел.

Изучая творчество А. Сизова, я всё более и более удивлялся: — Почему он не опубликовал «красивую лесную сказку»? В своей литературной и журналистской жизни Саша обращался к таким мелким фактам, жизненным ситуациям, но, пройдя через его творческую душу, из-под пера выходили прекрасные очерки, рассказы, новеллы, лирические зарисовки. В 1974 году он чуть более 3-х месяцев пробыл «под Сургутом», а, вернувшись в Россию, опубликовал предание «Сорни-най, золотая богиня» по мотивам хантыйских легенд. А «сказка»

на своей малой Родине остаётся вне его интересов? Дело в том, что публиковать «красивую лесную сказку» А. Сизов не имел права, так как у неё был реальный автор, варнавинский литератор И. С. Воронов.

Длительное изучение литературного творчества Александра, предпринятый текстологический анализ 15 фрагментов литературного описания начального пребывания с Н.Рубцовым в починке Ляленка и машинописной авторской копии воспоминаний «По лесам, в окрестностях Ветлуги...» (1986 г.), изучение краеведческого материала, народных преданий и фольклора Нижегородчины, визуальная экспертиза фотографий варнавинского Заветлужья (фото Ю.А. Кирбитова) позволяют сделать следующие выводы:

— Первооснова сюжетов лесной сказки Н. М. Рубцова «Разбойник Ляля» и рассказа А.А. Сизова «Шалуха» «бывальщина» из рассказа И. С. Воронова «Ляленка».

— Текст рассказа «Ляленка» известен А. Сизову с 1967 года, и он ознакомил с ним Н.Рубцова по приезду его в гости летом 1969 года.

В пользу версии об использовании «бывальщины» в качестве сюжета в ветлужском произведении Н. М. Рубцова (ограничусь лишь рубцовским, а об сизовском — в другом исследовании), позволю себе привести известные события августа-декабря 1969 года, связанные с попыткой автора по свежим следам вояжа в Поветлужье ознакомить читателей с «Разбойником Лялей».

Основная часть рассказа «Ляленка» предположительно И. С. Вороновым как БЫВАЛЬЩИНА (БЫЛЬ), а по сему Рубцов, создавая в августе-сентябре 1969 года первоначальный вариант «Разбойника Ляли» именвал его как БЫЛЬ.

О том, что это был первичный вариант, свидетельствует В.А. Оботуров в книге «Искреннее слово. Страницы жизни и поэтический мир Николая Рубцова» (М.: Сов. писатель. 1987): «...видимо, не успев сразу довести её [«Лесную сказку». — СП.] до конца, но в успех верил».

Рубцов счёл возможным опубликовать «сырое» произведение, предприняв попытку «втиснуть» его в сборник «Сосен шум», находившийся в производстве в издательстве «Советский писатель». Однако, редактор сборника Е.С. Елисеев отказал, и отказ выглядел вполне объективным и убедительным: рукопись книги была почти подготовлена к печати (сдана в набор 25 февр. 1970 г.). И, возможно, увидел художественную незавершённость «были», о чём обстоятельно сообщил ему в декабрьском (1969) письме: «...Дальше по содержанию ты увидишь, как я располжил стихи. Кажется, удачно. Хотелось, чтоб свет и тень были распределены равномерно. Из новых вошло почти всё. К сожалению, «быль» о разбойниках вставить не мог. Вылезала бы она из книжки каким-то причудливым и необязательным наростом [разрядка СП.]. И главное — свела бы на нет наши старания высветлить, не приглядить, не прилизать, а именно высветлить колорит сборника» (Публ. Вал. Зинченко. Т. 2. Николай Рубцов. Собр. соч. в 3-х т.т. М.: Терра. 2000. С. 279 по оригиналу письма из фонда Гос. архива Вологд. обл., ед. хр. 436).

В течении 1970 года Рубцов работал над «Разбойником Лялей», при этом назвал её «лесной сказкой» и в декабре предоставил рукопись в еженедельник «Литературная Россия». За считанные дни до смерти также получил отказ (Вал. Зинченко. Жизнь и творчество Н. Рубцова. Славянский ход. Мурманск. 2000. 13–14 (дек.). С. 13; То же. Рубцов Н. Собр. соч. в 3-х т.т. Т. 1. М.: Терра. 2000. Вступ. ст.). В заключении выражу надежду — со временем, возможно, рубцовцам посчастливится найти ПЕРВЫЙ вариант «Разбойника Ляли», написанный автором осенью 1969 года. Это крайне необходимо для изучения творчества поэта, так как, опубликованный в 1971 году текст вряд ли идентичен первой редакции, но во всех изданиях фигурируют тексты только этой публикации.

С. Першин.

Черноречье. Нижегородчина. 2009. Июнь. 29.

Портрет Н. Рубцова.
Рис. М. Копьева. 2009 г.

Короткая проза

Фекла МИЛОВА (Е. СОЛОВЬЕВА)

ПАРУС ОДИНОКИЙ

Он пел, он орал. И в отчаянном этом крике слышалось, что у него нет и не было отца, что он не нужен своей матери, что он через два года попадет в колонию после целой череды приводов, за которые его нельзя было осудить по малолетству, что будет отчаянно, как загнанный в угол зверек, драться за себя; что спать будет чутко, боясь внезапного нападения, но все-таки задремлет и не узнает, кто нападет на него, и только завоет от обиды и бессилия среди багровой душной тьмы и оглушающей боли; что будет подышать на обшарпанной больничной койке; слух, зрение, осязание будут постепенно отключаться, и только память продержится дольше других, но и она покинет его, шелкнув напоследок, удалится сверкающей точкой в середине экрана; и бесконечное, бесцветное, безвидное море обнимет его и примет в свое всепоглощающее лоно, что свидетельство о смерти будут заполнять по свидетельству о рождении, потому что он не успеет получить паспорт.

Мы проходили Лермонтова. Стихотворение «Белеет парус одинокий» знали все в классе, потому что пели его на хоре. Из леса рук, взметнувшихся, чтобы рассказать его наизусть, я выбрала самую трепещущую. Она тянулась с задней парты — с обгрызенными, грязными пальцами, в садинах и порезах.

— Сапожников!

Он шел неспешно, с достоинством, уверенный в себе. Наверно, так он ходит где-то в своем мире. На уроке я видела это впервые. Он встал перед доской под одобрителный гул класса. Молчит. Лицо багровеет.

— А можно я спою?

(Ну что ж, пусть хоть споет. В классном журнале к фамилии Сапожников плыла вереница диких гусей-двоек, изредка прерываемая крючками троек. Я беззастенчиво натягивала оценки, но, несмотря на это, годовой «неуд» был неизбежен. Как я обрадовалась, когда представилась возможность поставить ему «отлично». Учиться Коля не мог по причине своей наследственности. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, в каком состоянии его зачали. Низкий лоб, короткий нос с жадными ноздрями, большой рот, скошенный подбородок — эти малопривлекательные черты освещала временами такая простодушная улыбка, что невозможно было не улыбнуться в ответ).

— Конечно.

— А мы подпоем.

Мне очень нравится эта песня — вольная, в ней свистит морской ветер. Не тот, который овевает расплавленные тела на пляже. А другой, который гуляет в открытом море, швыряет лодки, яхты, пароходы с волны на волну, выдувает душу.

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..*

Он начал неуверенно, голос прорывался сквозь табачную слюну, протискивался в щель заглубивших связок, прятался в уголках огромного рта. Что в нем нашли хорошего? Голос, конечно, сильный, но грубый.

И вдруг чистая сильная нота прорвалась сквозь туман и пыль неточностей. Луч солнца золотой прорезал горизонт и разделил пространство на рождающуюся из хаоса неопределенности воду и небо, пока еще не обретшее цвет.

*Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..*

Класс недружно подхватил припев. Я с энтузиазмом подтягиваю. Лишь бы не соврать. Я видела, как ученики переглядываются, ухмыляются недоверчиво. Наверно, думают, учительница свихнулась. Ну и пусть. Привычка взяла верх, и вот мы все вместе зычно вопрошаем кого-то:

Что кинул он в краю родном?..

Вообще-то мне ребята эти очень нравились. Умные, веселые, любознательные, они схватывали на лету и, как галчата, требовали еще и еще чего-нибудь интересенького. После восьмиклассников, у которых гормоны в крови играли, заглушая все остальное, на уроках в пятом «А» я отдыхала душой. Невольно думалось: что же такого делают с детьми в школе, что через три-четыре года они превращаются в ленивых и нелюбопытных Митрофанов?

В эту школу я попала после окончания пединститута. В те времена еще существовало обязательное распределение, а, значит, я была обязана отработать учителем три года. То есть каждый день приходиться и давать уроки, стоять перед классом и что-то говорить. А мои ученики выпущены были сидеть и слушать меня. Вот такая тюремная диалектика. А они сидеть и слушать не хотели.

Надо признаться, учителем я была никаким: сerenькая внешность, тихий голос. Голова набита всякой всячиной, в частности, идеями о педагогике ненасилия. Ни знания жизни, ни понимания детской психологии. И никакой харизмы. Поэтому я безуспешно боролась с толпой подростков.

В самом конце учебного года — нечаянная радость: мне дали маленьких и послушных детей. Пожилая учительница, которой восьмого марта исполнилось пятьдесят пять лет, девятого

марта ушла на пенсию. Никакие угрозы на нее не действовали. И кто бы мог ее упрекнуть после тридцати с лишним лет работы, которая прерывалась только два раза на короткие декретные отпуска? Ее класс передали мне: больше было некому. Классная руководительница даже бегала к начальству, чтобы защитить своих ребят от такого слабого педагога, но ничего не добились.

Играют волны — ветер свищет, —

гаркнул Коля так, что я вздрогнула.

Господи, как Ты умудрился одарить этого парня таким голосом? Звонкий, яркий — труба. Если бы он ходил вокруг Иерихона, все остальные инструменты можно было бы сложить в кучу и забыть. Сам по себе голос ничего не значит. Там, за этими механическими вибрациями должно быть что-то еще, должны быть чувства, мысли. Энергия, которая единственная может заставить другие сердца стучать чаще. Энергии у него было, хоть отбавляй, негативной, разрушительной, дьявольской. А вот где витали его мысли? Как раздобыть денег? На еду и курево. Где сегодня переночевать? Как вернуться от кулаков очередного сожителя матери? Какие чувства могли сформироваться в такой среде? Только обида на мир, ненависть ко всем без разбора взрослым, зависть к другим, благополучным детям. Стекла задрожали. Неужели? Нет, конечно, это трамвай.

И мачта гнется и скрипит...

Вот уж у кого все гнется и бьется, так это у нашего Коли. Недавно, в очередной раз получив двойку за диктант (а он ничего другого и не мог получить), он вскочил, заорал, разорвал тетрадку. Я, дура, подошла не вовремя. Потому что в тот самый момент, когда я оказалась возле его парты, он вскочил и отшвырнул от себя стул. И этот стул, подкованный

железом, приземлился как раз на мою ногу. Я только крикнула (хотя боли сразу не почувствовала, она пришла потом, чуть не отправив меня в нокаут). Внезапная тишина. И все дети уставились на нас. А Коля, от этого испугавшись еще больше, вылетел из класса. Я же, оглушенная, потащила к своему месту. Что с ним делать?

Раньше ему было все равно. Он даже гордился своими единицами и двойками, они были его королевской свитой. Но благодаря Ларисе Евгеньевне, их классной, начал учиться. Чем больше он старался, тем сильнее было разочарование. А потерпеть фиаско он не мог. Может, это и вынуждало его грубить учителям, нарываться на взбучки, тянуться к взрослым парням.

Лариса Евгеньевна была примечательным человеком. Дама далеко за пятьдесят, она красила волосы в темно-рыжий цвет, ярко подводила тонкие губы. Зеленые или синие тени на дряблых веках довершали картинку. Наверно, это лицо было бы страшным в покое, но я его таким никогда не видела. Когда она смеялась, рассказывала анекдоты, ругалась или плакала, все морщинки приходили в движение. Ее реакции были слишком бурными, пожалуй, она немного играла на публику.

Поскольку она была учительницей английского языка, то, по негласному школьному закону, пользовалась некоторой свободой поведения. Начальство ей не доверяло. Коллеги относились с подозрением, некоторые даже высокомерно, потому что Лариса Евгеньевна была матерью-одиночкой. И хоть ее сын было уже за тридцать, ровесницы не простили ей давно прошедшей незаконной любви.

Она мечтала о собственных внуках, но сын все тянул с женитьбой. И всю нерастрченную шумную заботу она изливала на своих учеников. Ссорилась с учителями из-за плохих оценок, посчитала двоечников, ходила по квартирам, чтобы урезонить родителей. Дети ее обожали.

У Ларисы Евгеньевны был хороший голос, на школьных вечерах она с удовольствием пела романсы, арии и украинские народные песни. Поэтому она записала весь класс в хор. Когда ее ребята выступили в первый раз, все были изумлены. Ларису Евгеньевну впервые искренне хвалили и поздравляли.

— Вы, наверно, отбирали ребят в свой класс по слуху?

— Да нет, конечно. Самые обычные ребята. Кабалевский говорил, что нет детей, которые не могут петь.

Ей не верили.

— Ну, уж солиста вы точно сами отбирали!

Солистом был второгодник, прогульщик и хулиган Коля Сапожников. Он же был и самой большой головной болью Ларисы Евгеньевны. Ей достался хороший класс, что удивительно, потому что обычно таким своенравным и непредсказуемым учителям дают что похуже. И они, как правило, вытягивают самых слабых и буйных то ли на энтузиазме, то ли на темпераменте, то ли на обаянии. Поэтому, когда образовался кандидат на второй год, он самым естественным образом попал к Ларисе Евгеньевне. Она взялась за дело всерьез: приводила Колю в класс за руку и, когда у нее было «окно» (т.е. перерыв в расписании), сидела рядом с ним за партой, следила, чтобы он не убежал с уроков, и каждый раз водворяла на место, пропадала в детской комнате милиции, воспитывала непутевую мать и... заставляла его петь в хоре, благо, у него был хороший голос.

Вот с таким сокровищем пришлось мне вскоре познакомиться. Он сразу начал меня изводить: матерился, ходил по классу, демонстративно поворачивался спиной — все с одной лишь целью быть изгнанным. Что удалять его бесполезно, я поняла с первого раза. Ровно через пять минут, после того как я от него избавилась и в классе воцарилась спокойная рабочая атмосфера, дверь тихонько приоткрылась, и Лариса Евгеньевна с самой

добросердечной улыбкой втолкнула в кабинет Сапожникова. Вид у него был несчастный. Я тоже была не рада. Мы переглянулись и поняли, что обречены терпеть друг друга. С этого момента между нами возникло какое-то эфемерное взаимопонимание. Что не мешало ему и дальше резвиться на моих уроках.

*Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!*

Где же затерялось оно, твоё счастье, Коля? Говорят, что души детей с небес выбирают, к кому спуститься. Твоя душа ослепла что ли? Дома Колю за человека не считали, но среди сверстников он был лидером. Несмотря на то, что он матерился, особенно перед девочками (а может, благодаря этому), бил мальчиков по малейшему поводу, в классе его любили. Он мог прервать нудный урок самым неожиданным образом, например, громко пукнуть. И весь класс дружно хохотал: в десять-одиннадцать лет такой юмор ценится. А представляете, как бесится учитель? Опрос сорван, контрольная по боку, отдыхаем. Коле ничего не стоило вслух сказать учителям то, о чем остальные боялись и шептаться. У каждого была своя ахиллесова пята: кто-то боялся родителей, кто-то был честолюбив, кому-то обещали велосипед за хорошие оценки. Коля в этом смысле был рыцарем без страха и упрека. Ему нечего было терять, и подарков ждать было не от кого. Голос вдруг упал со звенящих небес до нежной тихости:

Под ним струя светлей лазури...

И снова начал набирать силу и высоту:

Над ним луч солнца золотой,

И во все легкие, как будто последний раз в жизни:

А он, мятёжный, просит бури...

Как он пел! Он не пел, он орал о нескладной своей жизни.

Хормейстер у них был лучший в городе. Человек талантливый, но сильно пьющий, и в тот период нигде не работал. Не знаю, как Лариса Евгеньевна его уговорила, может, очаровала своим голосом, или своей экстравагантной внешностью, но раз в неделю он приходил в школу на репетицию. Высокий, тощий, в черном потертом костюме, похожий на грача. Неприветливые глаза прятались в глубоких морщинах (думалось, что они черные, но, кто знает, какого они были цвета, никто в них не заглядывал). Он, ни с кем не здороваясь, проходил в актовый зал, а ровно через час, так же молча и отстранение исчезал. Когда он шел по коридору, и дети, и взрослые испуганно замолкали. И только Лариса Евгеньевна встречала его всегда радостно и болтала, как если бы он ей отвечал.

Как будто в бурях есть покой. Гавриил Никодимыч, птица-грач, как ты наколдовал! Этот дикий, от природы данный голосище, да твой талант, твои бессонные за водочкой и пластинками ночи, все неспетые, несделанные с большим академическим хором вещи — и получилось песня такая, что дрожь пробирает.

*А он, мятёжный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой, —*

подхваченный десятками детских голосов рефрен омыл нагретый воздух и схлынул.

*Белеет парус одинокой
В тумане море голубом...*

Как прощально и печально звучит одинокий голос, в котором снова появилась хрипотца. Звук прозвенел и пропал. Коля остановился, смотрит на меня недоуменно, и устало, и растерянно.

И все замерли в молчании. Мартовское солнце заполонило кабинет, прожигая руки сквозь рукава. Слышно, как громко стучат капли, падая на жестяной карниз.

— Молодец, «отлично». Ты сам знаешь, что отлично.

Широчайшая улыбка. Что-то мелькнуло в глазах. Сейчас гадость какую-нибудь сделает.

И вдруг, как мираж, заколыхалась на воздушных потоках бабочка-лимонница. В какой щели она пряталась, пережидая зиму? Дети дружно завизжали, вскакивая на парты. Жадными руками хватали овеществленный воздух, неуловимую красоту тончайших крыл.

А бабочка внезапно сделала крутой вираж и опустилась на Колино худенькое плечо. Он дернулся, чтобы схватить, и тут же замер. И только глядел-глядел на нежданное чудо, пока она сидела. И вот она так же изящно моргнула крылышками и поднялась. Коля, остро ощущая утрату, рванулся за ней и, конечно, орал громче всех. А бабочка взмыла в потолок, ринулась к свежему воздуху и уселась на краешке фрамуги. Словно дразня нас, слишком тяжелых, прикованных к земле, бескрылых чудовищ.

Прекрасна недостижимостью. Невероятна нечаянной жизнью.

Настолько мгновенна, что бес-смертна.

СЧАСТЛИВАЯ ПРОЗА АЛЕКСАНДРА ЛОМКОВСКОГО

Максим Горький однажды посетовал: русская проза говорит о страданиях да несчастьях, никто из писателей еще не рассказал о том, как он «всю жизнь радовался»... Кажется, такой писатель нашелся. Живет он в Вологде. И зовут его Александр Ломковский. Проза А. Ломковского* отличается психологической достоверностью и музыкальностью. Он может выстраивать диалоги, рисовать портреты героев, удачно формирует фабульную основу. Но все это — приложение к самой главной способности молодого писателя: умению создавать особую лирическую атмосферу в тексте.

Великолепен стиль изложения в рассказе «Хорошее настроение» — автор не наблюдает, он видит природу всей своей душой. Он испытывает умиротворение, благодатность, даже ликование — редкие для современной прозы чувства. Может показаться, что Ломковский не знает жизни, самоустраился от ее проблем, однако это далеко не так. Автор прошел длинный путь испытаний, поисков, потрясений и удач. Он работал электриком, стропальщиком, бетонщиком, резчиком по дереву, санитаром в психлечебнице, механиком, электромонтажником, охранником. Рассказ «Моя война», например, посвящен войне в Чечне, он весьма и весьма жесткий и реалистичный. Все это добавляет полноты и полновесности его романтически окрашенной прозе. Творческое восхождение Ломковского тоже не было гладким: начинал он со стихов, но потом перешел на прозу, публиковался в местных и центральных изданиях. Трижды Ломковский участвовал в семинарах молодых писателей Вологодчины, в 2008 году стал лауреатом первого Всероссийского конкурса современной прозы имени В. И. Белова «Все впереди» и только после этого был принят в Союз писателей России.

За последние два-три года он значительно вырос как прозаик.

Владимир Личутин в предисловии к первой книге Ломковского «Два костра» сказал о важном качестве его прозы: «Рассказы писателя целостны и религиозны не внешним пафосом, но глубинной заповедальностью, верностью национальным идеалам». Ошущение, настроение — ключевые слова этой книги. Центральный рассказ «Два костра» — лирический, душевный по интонации, живописный по исполнению и очень музыкальный, но слишком сентиментальный. Сборник, тем не менее, отличается разнообразием тем и сюжетов. В нем можно найти не только «вариации на тему любви», но и рассказ-характер («Венькины сны»), рассказ-судьбу («Леший»). Шукшинская терминология здесь вполне уместна, так как Ломковский сознательно ориентируется на классические образцы русской прозы.

Мы и наши дети страдальчески отлучены от веры, надежды, но более всего — от любви. Кто, кроме нас самих, тут виноват? Повесть Александра Ломковского «Я — Абакшин!» свидетельствует именно об этом нашем грехе, в котором человеку особенно трудно признаться. Подросток Абакшин уходит от родного отца и мачехи, потому что не чувствует душевного тепла и заботы.

Повесть «Реки» рассказывает о становлении мужского характера, о первой любви пятнадцатилетнего героя с редкой фамилией Река. Тема и сюжет характерны для начинающего прозаика, но читается она с интересом, Ломковский сумел передать аромат эпохи, воссоздать «голос времени» начала 80-х годов.

А вот его повесть «Все дороги» — явная неудача, она представляет собой бессюжетное собрание детских воспоминаний.

В рассказе «Новый день» изображен вроде бы обычный летний утренний пейзаж. Но и само название, и символическая картина восходящего солнца, которому мешают «тяжелые мохнатые тучи и холодный ветер», помогают разглядеть на этом словесном полотне художественное воплощение задушевной авторской и одновременно выстраданной народом мысли о неизбежном поражении сил зла:

«И вот появляется, наконец, солнце. Тяжелый, малиново рдеющий огненный шар. Кажется, что сегодня солнце раздвигает своим горбом кисель туч и сжигает их, тучи, своим появлением. Вот уже темно-синее до этого момента брюхо одной из них загорается победным, все очищающим огнем. Кажется, что туча начинает съезживаться и у-

деть от этого огня. По крайней мере, мне хочется так думать. То же самое происходит и со всеми остальными тучами над лесом. Приятно, что новый день начинается с победы солнца. Я поднимаюсь и медленно иду в деревню. Мне хорошо».

Главный герой рассказа «Сын» Кузьмич говорит об этом же, но по-своему, не менее убедительно и победно: «А непошта и помирать собрался. Поживем ишшо! Слышь, Серко? Поживе-ом!...»

* Ломковский А.В. Два костра. Рассказы и повесть. — Вологда, 2008; Я — Абакшин! Повесть. — Вологда, 2008; Новый день. Рассказы // Лад вологодский. — 2009. — 4; Реки. Повесть. — Вологда, 2010.

Виктор Баракоев

«СТИХИ, ПОХОЖИЕ НА ВЫДОХ...

(О поэтическом сборнике Н.Т.Бушенева «Панта рей» (Череповец, 2006))

Вот лежит передо мною небольшая книжка: темная обложка, туманный пейзаж и загадочная надпись «Панта рей» («Все течет»). И страшно подумать, что под этой обложкой уместилась целая жизнь, страдания и надежды, вдохновение и страх, — одним словом, человеческая жизнь.

Конечно, это не так. И даже в самых откровенных стихах не передать всего многообразия нашего личного опыта, как не выразить в слове самое наивное чувство благодарности, самый простой аромат хлеба, самую короткую минуту наслаждения. И жизнь поэта все равно больше и сложнее его стихов.

Мы вступили в какую-то новую эру: все пишут и никто не читает. Не читают толстые литературно-художественные журналы, сборники, выпущенные за свой счет, книги, опубликованные в серьезных издательствах мизерными тиражами. Потребность в самовыражении захлестнула жажду познания, инстинктивный поиск родной души, радость сопереживания. Но зайдите в Интернет и вы увидите, именно увидите, а не услышите: голоса, голоса,

голоса... Захлебывающиеся истерикой, задыхающиеся от самолюбования, изведенные вселенской иронией. Дневники, открытые всему миру послания, рассказы и романы, поэмы и драмы.

И вот держу такой как бы из прошлого выпавший томик традиционно написанных стихов. В том смысле, что они написаны в традициях русской просодии. В них не утрачены ни размер, ни рифма, ни (что важнее) чувство, ни смысл. Н.Бушеневу не приходится выдумывать образы, легко рождающиеся в его сознании: «Во мгле — сквозь форточку зябкой — Выл ветер-пылесос, Гром шаркал тучей-тряпкой».

Конечно, автор (на то он и филолог!) не может обойтись без словесной игры, экспериментов с формой, с ритмом. Жизнь, которую он так ценит, что пишет заглавными буквами, буквально вбирает в себя эпитеты («дребезЖИЗНЬ», «стуЖИЗНЬ»). Кто из нас не мечтал? «Хотелось, чтобы — дороЖИЗНЬ и чтобы — вполне слоЖИЗНЬ!».

Многие строки Н. Бушенева претендуют на афористичность: «вдохновенье — как запой, нет мучительнее жажды», «мир в черный превращается квадрат».

Но главное — не в выразительности приема, а в его цели. В том, что в этих строчках, длинных и коротких, видна личность. А личность — это всегда интересно. Постмодернисты научили нас ценить и восхищаться подонками и злодеями. А как быть с людьми, сохранившими совесть, способностью мучиться, плакать? С теми, кто останавливается на пропыленной дороге, чтобы удивиться привычному цветку и увидеть в нем красоту мироздания? «Звезд земных столпотворенье — Одуванчики цвели». С отсталыми от жизни интеллигентами, для которых мечта — затвориться с книгами и вслушаться в себя, «с головой уйдя в книги и затаившись в выстроенном на бумаге собственном нешумном, неторопливом. Гармоничном и уютном мире»? С людьми, которые привычно делят время между работой и творчеством, порой смешивая то и другое, устают от круговерти заваленных работой будней? И ворочаясь без сна, бросаются не к аптечке за снотворным, а к чистой бумаге:

Бессонниц невесомость и бездонность.

Из яви в сон неясный перелет.

Небеснозвонность,

колокольозвонность...

Стихи Бушенева возвращают нас к поэзии повседневности, к напряженной душевной жизни обычного, внешне неприметного и в то же время бесконечно интересного человека.

Книга охватывает несколько десятилетий, и поэтому видно, как возрастает душа. Еще в юности поэт подслушал у природы «искры песен». Чистота первых стихов, первых удивлений от красоты мира соседствует с бурлением юношеской тоски по любви.

В стихотворении «Отчего мне нет покоя...» боль от воспоминаний так сильна и так целомудренна, что рождает только самые простые образы: якорь и парус, самые точные противопоставления «беспокойная, покоя Ты

достигла», и звучит, как русская песня — «и горька, но хороша».

Иногда поэт до такой степени откровенен, что делается даже неловко, как будто подслушал затаенное: «Не пророк я, не Бог и не гений, но дотошен и самолюбив». Хотя другие строчки выдают его природную застенчивость: «Как страшно быть обнаженным духовно... Как жутко было бы заглядывать в обнаженные души!»

Горькие, ироничные раздумья о том, удалась или нет жизнь, продолжают в мудрых, просветленных философских произведениях. «Мимолетное» замыкает сборник чудесными верлибрами, которые открывают нам поэта-философа.

Что я увидел собственными глазами

В этом мире,

Осмислил собственным умом?

Известные картины

И уже открытые истины

И то постигаю по верхам и с натугой.

Как и положено творческому человеку, Н. Бушенев бьется со словом, и не смущается признаться в этом: «Мне для вещей не подыскать названия, Не ухватить мне сути естества». Мне кажется, все-таки поэту удается «докопаться до глубин» и найти единственный точный звук, чтобы выразить свое видение этого мира. Интересно, что, обращаясь к текстам других поэтов, он и в них находит свое. «Дождливый день» Лонгфелло выглядит как привычный нам тусклый пейзаж, а мысли поэта и переводчика сплетаются в единый узор, сотканный из отчаяния и надежды.

Стихи Н.Т. Бушенева читаешь, как дневник, самый интимный, самый сокровенный. И не загадка ли, что кто-то решается открыть себя до конца далеким людям, посторонним — больше, чем можно открыться близким и родным? Как будто ко мне он обращается: «Рассмотреть хотите каждый атом Жаркого дыхания моего». Неловко. Но я рада, что открыла этот дневник.

Е. Соловьева

24.01.2007

ОПТИМИЗМ СМЕРЕННОГО ОДИНОЧЕСТВА

Поэты — художники слова во все времена напряжены в духе, сжаты по форме и заносчивы по поведению. В этом мире они конечная тварная инстанция между Богом и его рабом — человеком.

Поэты выразили известную сентенцию — Рабы не мы! Больше сказать было некому в революционном демоническом мире. Остальное человечество терпело о деле, о выгоде, о текущей страсти. А формулы у математиков и поэтов. Формы выражения разные.

Вот держу в руках сборник стихотворений Череповецкого избранника духа — Альфреда Хохрякова «Одинокие строфы» (100 экз. 2008 г. Череповец). В нем чуть более 60 четырехстиший. Стихи потому и коротки, что они есть формулы и свидетельствуют о том, как из корня жизни извлекается интеграл поведения. И не стоит говорить, что это упражнения. Пробы и претензии на вечный смысл здесь отсутствуют. Стихи всегда претензия — это формулы. Значит спрос сполна.

В сборнике стихи идут под номерами.

Номер 36.

*«Хватит жить осторожно,
В углу в одиночку скрипеть.
Если сегодня не петь,
То когда же и можно?»*

Автор чувствует пульс мятежного времени, конкретно ощущает себя в пространстве, трезво оценивает дуновение грешных страстей.

43

*«Измена — это не безделица.
Это поступок гадкий.
Любовь на троих не делится
Я буду сегодня в остатке».*

Поведение автора, его права и обязанности перед обществом и Богом, наградившим его энергией слова, и раскрывает его жизненную позицию, его социальную и поэтическую значимость.

33

*«Мне нет указчиков.
Я над собою власть,*

*Хочу — иду, хочу — с моста бросаюсь.
Совет не попрошу я прежде чем
упасть...*

Уже потом, в полете каюсь».

Он сам по себе, он своеволен, ироничен и не претендует быть советчиком.

В году так в 1963, мне довелось побывать в большом городе Ленинграде на Васильевском острове, на третьей линии. Там квартировали студенты — журналисты ЛГУ. А я молоденький приехал держать экзамен в этот большой мир. Испытание выдержал, был несказанно рад, но сам собой изменился. Будто побывал под гипнозом.

В этом городе совсем иной дух, чем в книгах, в армии, в работе по найму. В Ленинграде смиренно господствовали дух иронии и скептицизма. «Трудно жить ничего, не деля, но мы не боимся трудностей». Такой лозунг ручного печатания висел в нашей комнате под высоченным потолком над окошком. Я еще не горожанин, но уже не деревенский не мог понять почему этот лозунг меня раздражал, хотя в нем просвечивали веселость и кураж. Усердные ученики, солдаты и работники моего поколения мерили жизненные события и состояния идеалом такая насмешка в соседстве с идеализмом не веселила, а раздражала и утомляла. Хорошо и образно сказано, а смиренный нигилизм горчил и отдавал кислотой, но ни к какому действию не подвигал. А ведь хорошо и образно сказано: поэтический перл в лозунговой тематике.

Автор поэтического сборника «Одинокие строфы» изощрен в иронии и насмешке. Он подкупает тем, что никому их не адресует. Он окатывается ими сам как на холоду теплой банной водой. Тут он одиноко самостоятелен в выборе поведения. Этим и учит.

49

*«Я себе предлагаю дружбу,
За любовь предъявляю счет.*

*Поступаю к себе на службу...
И сразу беру расчет.*

Парадоксальность, то есть столкновение несовместимых понятий и состояний любимая позиция автора. Он в этом опытен, натренирован, и самое главное, считает надежным выходом в любой жизненной ситуации. Даже в общении с женщинами.

58.

«Не обсуждай, кто палочка,

кто ноль,

Пусть будет это полная загадка.

Не в этом дело, в том лишь соль,

Что вместе мы — всегда десятка.

60.

«Ну почему ты такая земная.

Упертая лбом в бытие?

Я поднимаю тебя как знамя,

Ты висишь как сырое бельё».

Ал. Хохряков декларирует смирение через иронию и парадоксальность, через сублимацию личного своеволия.

1.

«Мелодия поэзии, чаруя,

Приподнимает нас

над тщетностью сует.

В ней слышу то, что в жизни не найду,

И, может быть, вообще

на этом свете нет».

Автор, владея избранническим даром словоформулирования, в поэтическом, то есть в гипнотическом ключе, заявляет, что это все сам постиг, выносил, вытенировал в результате 70-летних упражнений. Он стал мастером. По своей воле и своими усилиями. И хотя обходился без положительного примера свыше, достиг четвертого сборника стихотворений, на этот раз с намеком на классику.

29.

«Я атеистом был.

А кто теперь, не знаю.

Но только больше верю чудесам.

Когда кому-то что-то пожелают.

То много больше получаю сам».

«Одинокие строфы» вовсе не одинокие, так мыслят и чувствуют современники автора в производственном коллективе, в лесу, на даче, наедине с

женщиной. Это чувствуется во многих строфах. Автор обособляет себя от остального мира в силу своего анархического мировоззрения. Анархизм в иронии, гротеске своеволен, но не созидателен, поэтому у автора часто просачивается смирение в растерянности одинокого человека.

И пока есть сила к сопротивлению, он декларирует оптимизм, как неумные. Но это тупиковая ситуация. Куда более продуктивна испытанная веками позиция положительного примера.

Как говорил наш общий по книгам знакомец, тоже писавший четверостишиями. Его звали Омар Хайям.

«Если пути тоски разорвать

не сумел,

Если сердце черно от безрадостных дел,

Расспроси о судьбе всех бредущих

навстречу

И утешит тебя общий с ними удел»

И это бредущее растерянное поколение доверчиво заглатило наживку иронии, то есть большого героизма и занемогло в годину испытания, дружно но, не умно отказавшись от воспитания на положительном примере.

Те самые журналисты начала 60-х выросли, заматерели, стали четвертой свосвольной властью, и больше некому стало дать даже текущий совет по текущему поведению. И все мы сдались, как бы отреклись от призвавшего нас к смирению.

Смиранный оптимизм никуда не ведет, не мобилизует, он расслабляет и подчиняет случайному своеволию. Рабы мы!

Поэт — это избранник духа Святого, он в высшем своем смысле живет и творит не для себя, а только своим покайанным поэтическим расстреливанием служит растерянными современникам.

Он зажигает фонари или звезды, это не важно, он передает свет свыше, чтобы каждому бредущему не было одиноко во тьме вульгарного материализма.

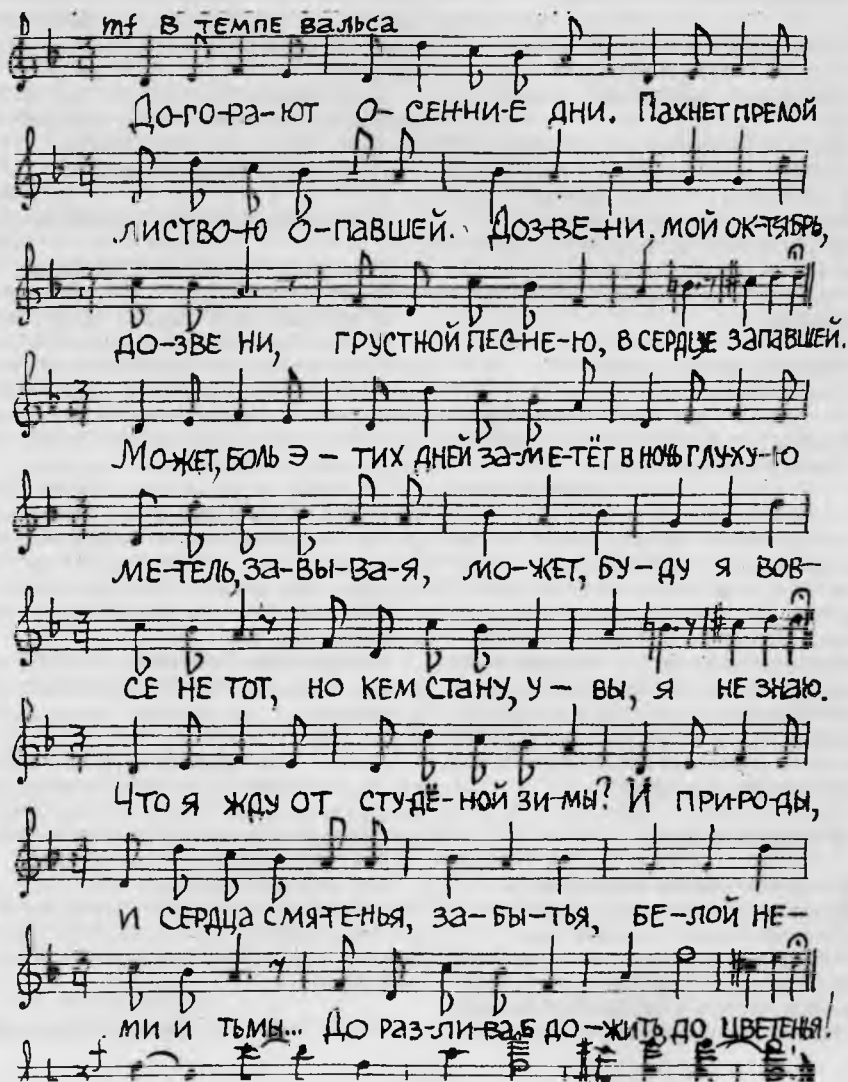
Николай Рассохин

Автограф

В. БАКУМЕНКО

ДОГОРАЮТ ОСЕННИЕ ДНИ (На стихи Н. Бушенева)

mf В ТЕМПЕ ВАЛЬСА

До-го-ра-ют о-сен-ни-е дни. Пах-нет пре-лой
ли-ство-ю о-пав-шей. Доз-ве-ни, мой ок-тябрь,
до-зв-е-ни, гру-стной пьес-не-ю, в се-рд-це за-пав-шей.
Мо-жет, боль э-тих д-ней за-ме-тёт в н-очь глу-хую
ме-тель, за-вы-ва-я, мо-жет, бу-ду я в-ов-
се не тот, но кем ста-ну, у-вы, я не зна-ю.
Что я ж-ду от студё-ной зи-мы? И при-ро-ды,
и се-рд-ца смя-тё-нья, за-бы-ть-я, бе-лой не-
ми и ть-мы... До раз-ли-ва б до-жить до цве-тё-нья!

ЗВЕЗД ЕДВА ЛИШЬ ПОГАСЛИ СВЕЧИ
(На стихи Н. Бушенева)

тр В ТЕМПЕ Вальса

ЗВЕЗД ЕДВА ЛИШЬ ПОГАСЛИ СВЕЧИ, ВЕТЕРОЧЕК
ЛИСТВУ ВСПЕНИЛ — ЧТОТО УТРЕННЕЕ ЛЕПЕЧЕТ
ТОПОЛЕЧЕК, ЕЩЕ МЛАДЕНЕЦ.
за-чи-ри-ка-ли, засви-стели, РАННИМ УТРОМ
ПРОСНУВШИСЬ, ПТИЧКИ, ЧТОТО УТРЕННЕЕ ЗАПЕЛИ —
В БОДРОЙ, РАДОСТНОЙ ПЕРЕ-КЛИЧ-КЕ.
СОЛНЦЕ ТЕПЛЫМ ЛУЧОМ КОС-НУЛОСЬ ВДРУГ ЦЕКИИ,
КАК КОТ-ТЕ-РЕТЬСЯ. ЧТОТО УТРЕННЕЕ ПРОСНУЛОСЬ
И В МОЕМ ЗАДРЕМАВШЕМ СЕРДЦЕ.

pp

Ю. ЛЕДНЕВ, М. КОПЬЕВ
ЭКИВОКИ НА КОЛЛЕГ

ВАСИЛИЮ БЕЛОВУ

С черновиками нет покоя.
Аж руку от стила свело.
А впечатление такое,
Что сразу пишет набело.

НИНЕ ГРУЗДЕВОЙ

Вот и Нина влезла в кузов.
Нина ныне — член Союза.

АНАТОЛИЮ ЕХАЛОВУ

Он затмит, сдастся мне,
Горького и Чехова.
Он все время — на коне,
Потому как — Ехалов.

АЛЕКСАНДР ГРЯЗЕВУ

Им писать задумано,
По правде говоря,
За книгой «Грех игумена» —
«Грехи секретаря».

ЮРИЮ МАЛОЗЕМОВУ

В наше страшно тяжелое время,
Все когда повернулось вверх дном,
Он взвалил на себя это бремя,
Книжной фабрикой сделав свой дом.
Полистайте, взгляните, прочтите —
Вот его замечательный труд.
Малоземову, может быть, Сытин
Позавидовал, будь бы он тут.
И когда будет время итожить
Все, что сделано для земляков,
На весы Полиектыч положит
Больше тысячи разных томов.

ВАСИЛИЮ МИШЕНЕВУ

Он коня увел с Парнаса
В молодые свои дни
И с тех пор поит Пегаса
Из Никольской полыни.

МАНУИЛУ СВИСТУНОВУ

А чем отличен Свистунов от Канта?
Конечно же, не степенью таланта.
В одном сей Кант главенствует над ним:
У Мануила нет приставки «Им».

АЛЕКСАНДРУ ПОШЕХОНОВУ

Утверждать повсюду будем,
Пусть об этом знают все:
В честь его назвали люди
Даже целое шоссе.

**ОБ ЭКСЛИБРИСАХ В. В. ГУРЫ
НА КНИГАХ В ФОНДАХ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ**
(к 85-летию со дня рождения)

В отделе редких книг готовится каталог экслибрисов на книгах в собрании Вологодской областной универсальной научной библиотеки (далее — ВОУНБ). Каталог составлен по фамилиям владельцев, в него включены как дореволюционные книжные знаки, так и созданные после 1917 г. Некоторые владельцы представлены одним знаком, а некоторые — несколькими, да ещё и созданными разными авторами. Именно к таким знакам относятся экслибрисы на книгах, поступивших в фонды ВОУНБ из личной библиотеки В. В. Гуры. Большая часть их поступила в дар библиотеке от вдовы выдающегося литературоведа Ирины Викторовны Гура после его смерти. Сейчас в выставочном зале экспонируется выставка, посвященная 85-летию со дня рождения В. В. Гуры, на которой представлены фотографии из семейного архива и написанные им книги и статьи.

Виктор Васильевич Гура (1925–1991) — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки. Родился 1 июня 1925 г. в Николаевской слободе Саратовской губернии. С 1942 по 1945 год воевал на фронте. Окончил Саратовский университет в 1949 г. С 1949 г. до конца жизни работал в Вологодском Государственном Педагогическом университете, более 20 лет заведовал кафедрой литературы. Защитил докторскую диссертацию на тему «Роман и реализм». Автор более 20 книг и 300 статей. В круг научных

интересов В. В. Гуры входили проблема реализма, теории и истории русского романа, литературное краеведение, источниковедение и библиография.

Первый знак, о котором мы хотим сказать — это экслибрис-наклейка в рамке с изображением руки, держащей книгу и надписью «Из книг В. В. Гура» (ил. 1). Художник, создавший этот

Ил. 1.

книжный знак — С. Г. Ивенский. Размер — 65х80 мм. Техника — линогравюра. Экслибрис-наклейка имеется на полках отдела редкой книги на нескольких книгах, в т.ч.:

Яшин А. А. Алена Фомина: повесть в стихах. — М.: Сов. писатель, 1950. На книге дарственная надпись автора В. В. Гуре.

Семён Георгиевич Ивенский — искусствовед, художник. Родился в 1924 г. в Москве. С 1947 по 1953 год учился на факультете теории и истории искусства им. И. Е. Репина в Ленинграде. Работал директором Вологодской областной картинной галереи с 1953 по 1973 год. С 1964 по 1979 год жил в Тюмени. С 1979 по март 1996 г. жил и работал в Ярославле. Живет в Израиле, в кибуце Бет-а-Эмек близ г. Нагария.

Отмечая 85-летие Виктора Васильевича, заметим, что художник С. Г. Ивенский в конце прошлого года также отметил своё 85-летие, и появление этой статьи — дань благодарности деятелям вологодской культуры, уже умершим и ещё живущим.

Второй знак, выполненный также Семёном Ивенским — экслибрис-наклейка с изображением стоящей обнажённой женщины, пьющей из кувшина. Надпись: «Из книг В. Гура» (ил. 2). Знак выполнен в технике штрихового клише. Размер его — 66х39 мм. Встречается в двух вариантах — на синем и коричневом фоне.

Экслибрис был представлен в нескольких каталогах книжных знаков С. Г. Ивенского, экспонировался на выставке, посвященной 85-летию искусствоведа, а совсем недавно вошел в коллекцию экслибрисов, подаренных

Ил. 2.

искусствоведом и художником библиотеке. Вошел он и в дар искусствоведа Кирилло-Белозерскому историко-художественному и архитектурному музею-заповеднику и воспроизведен в каталоге, изданном музеем к его 85-летию¹.

Экслибрис-наклейка в отделе редкой книги ВОУНБ выявлен на нескольких книгах, в том числе:

Дементьев В. Леонид Мартынов: поэт и время. — М., 1986.

¹ 500 книжных знаков из собрания Семёна Григорьевича Ивенского: к 85-летию со дня рождения. — Кириллов, 2010 — С. 51

По нашему мнению, это один из лучших экслибрисов, созданных Ивенским для своих друзей. Светлая фигура органически вписалась в тёмный фон, по бокам которого идёт надпись. Поворот женской фигуры повторяет абрис надписи. Хотя знак выполнен просто, без излишних штрихов и деталей, он как нельзя более отражает все достижения вологодской графики 60-х годов.

Создан он в 1963 году, когда С. Г. Ивенский был директором Вологодской картинной галереи, а В. В. Гура преподавал в Вологодском пединституте. Их интересы не могли не перекреститься, и результатом совместного творчества стал этот замечательный экслибрис. Экслибрис, кстати, отражает и увлечения литературоведом в то время античной литературой.

Третий знак — экслибрис-наклейка библиотеки В. В. Гуры с символическим изображением пера и раскрытой тетради, вошедших в графику надписи «Из книг В. В. Гура» (ил. 3), создан не вологодским художником. Его автор — Н. А. Никифоров (Тамбов). В правом нижнем углу — инициалы художника «НАН». Размер знака — 70х60 мм. Техника — линогравюра. Об этом художнике мы знаем пока ещё мало, но нам известно, что родился он в 1914 г., а умер совсем недавно — в 2003 г., что был он художником-любителем и постоянно проживал в Тамбове. Н. А. Никифоров был активным собирателем экслибрисов и директором Тамбовского литературного музея на общественных началах. Интерес к экслибрису в Тамбове был отчасти пробуждён

Ил. 3.

именно директором литературного музея².

Экслибрис-наклейка на нескольких книгах, в т. ч.:

Гарновский В. Песнь над рекой. — Вологда, 1962.

Знак очень скупой по средствам изображения, чувствуется рука непрофессионала, но в то же время — мастера книжного знака. И это тоже пример искусства экслибриса 60-х годов, когда интерес к книжному знаку расцвел необычайно, и к искусству его приобщались как профессионалы-графики, так и самодеятельные художники, достигшие со временем большого мастерства.

Четвёртый знак из собрания книжных знаков, созданных для В. В. Гуры, — экслибрис-наклейка с изображением одинокого дерева и

² Ивенский С. Г. Книжный знак история, теория, практика художественного развития. — М., 1980. — С. 240.

Ил. 4.

надписью «Из книг В. В. Гур» (ил. 4), создан тем же художником, что и предыдущий книжный знак. Об авторе экслибриса свидетельствует и надпись в нижнем правом углу. Размер — 70х 60мм. Техника — линогравюра. Экслибрис-наклейка на нескольких книгах, в т.ч.:

Гарновский В. Белозерье: рассказы. — Вологда, 1959. На кн. дарственная надпись В. Гарновского В. В. Гуре.

Пятый знак библиотеки вологодского литературоведа создан череповецким художником Анатолием Наговицыным. Это экслибрис-наклейка с изображением трёх прялок и раскрытой книги (ил. 5). Надпись «Из книг В. Гур». Размер — 131х94 мм. Техника — ксилография.

Анатолий Терентьевич Наговицын (1921–2000) — график, заслуженный художник Российской Федерации. Родился в селе Покровском Кировской

области. Учился в Одесском художественном училище, Московском институте декоративного и прикладного искусства и Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. Мухомой. С 1963 г. жил в Череповце. Первый экслибрис художник создал в 1954 г., работал в технике линогравюры, ксилографии, резцовой гравюры. Участник многих персональных и коллективных выставок.

Это последний из знаков на книгах, поступивших в фонды ВОУНБ. Экслибрис-наклейка выявлен на журнале:

Literatura Radziecka = Советская литература. — 1975. — 6.

Ил. 5.

Шестой книжный знак, выявленный на книгах с экслибрисами В. В. Гуры, — экслибрис-наклейка с изображением русского пейзажа и стопки старых книг на переднем плане. Надпись: «Exlibris В. Гура» (ил. 6). Автор экслибриса — художник Р. Копылов. Размер — 107х67 мм. Техника — линогравюра.

Рудольф Владимирович Копылов — художник, родился в 1926 г. в Нижнем Тагиле. В 1951 г. окончил Уральское художественно-промышленное училище. Работал в г. Волжском.

Ил. 6.

Ил. 7.

Над экслибрисом начал работать в 1962 г. и создал около 300 книжных знаков в рисунке, гравюре на металле, дереве и пластмассе. Экслибрисы экспонировались на выставках в Ленинграде, Свердловске, Красноярске, Челябинске, Лейпциге, Будапеште. Постоянно живет и работает в Екатеринбурге. Уже в 60-х годах Рудольф Копылов был наиболее заметным в России автором экслибрисов³, и это видно по знаку, выполненному в 60-е годы для В. В. Гуры.

Экслибрис-наклейка на нескольких книгах, в т. ч.:

Декабристы в Москве: сб. статей. — М., 1963.

На книге имеется дарственная надпись редактора Ю. Г. Оксмана.

Знак гармоничен по композиции, проникнут поэтическими мотивами и особенно удачно передаёт русскую природу, её лирическое настроение.

³ Там же. — С. 164.

Седьмой знак из коллекции экслибрисов Г. В. Гуры — экслибрис-наклейка с изображением портрета М. В. Шолохова и скачущих на заднем плане всадников (сцена из «Тихого Дона»). Надпись: «Exlibris В. В. Гура». Автор — Рудольф Копылов.

Размер — 100х85 мм. Техника — линогравюра.

Экслибрис-наклейка выявлен на нескольких книгах, в т. ч.:

Белов В. Три пьесы. — М.: Сов. писатель, 1983.

Восьмой, и последний, экслибрис на книгах из библиотеки В. В. Гуры представляется наиболее трудным в определении его авторства. Мы пока ещё не можем точно сказать, кто создал его для В. В. Гуры.

В предполагаемых авторах стоит А. Никифоров, создавший уже два знака для литературоведа. Пусть читатели «Автографа» простят автора за слабое знание российского экслибриса, так как мне чаще приходится описывать дореволюционные знаки, а не советские. Публикация знака позволит найти автора.

Экслибрис-наклейка библиотеки В. В. Гуры с изображением раскрытой книги, свечи, занавески, книжных полок, сидящей женской фигуры и всадников на конях с копьями на заднем фоне (ил. 8). Размер — 100х80 мм.

Экслибрис-наклейка выявлен на книге:

Очерки из истории движения декабристов: сб. ст. — М., 1954.

На книге — дарственная надпись Ю. Оксмана В. В. Гуре.

Мы представили вам восемь книжных знаков, созданных для библиотеки

Ил. 8.

вологодского литературоведа Виктора Васильевича Гуры. Это одна из самых больших количеству экслибрисов коллекций книг. Они были созданы в 60–70-х годах прошлого века и представляют интерес как одна из страничек истории русского провинциального экслибриса. Эти экслибрисы отражают литературные пристрастия их владельца — от античной литературы к М. Шолохову, его художественные наклонности и самое главное — раскрывают черты его характера — лиричность, любовь к природе, книгам. Книжные знаки, о которых мы рассказали в этой статье, создают образ глубоко чувствующего человека.

Елена Демидова,
гл. библиотекарь отдела редких книг ВОУНБ,
кандидат филологических наук

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

56

Обществ. совет: Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Н. Т. Бушенев,
К. А. Павлов, Ю. Б. Максимов

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес для писем: 160000, г. Вологда, а/я 220.

Сдано в набор 06.06.10. Подп. в печать 1.07.10.

Вологда
2010